

Марьяна Сурикова

Пленница.
В оковах магии

Фэнтези • Любовный роман • Детектив

Annotation

Даже собственная магическая сила не в состоянии спасти, когда в игру вступают чувства, когда презрение к той, кто ниже по происхождению, вдруг оборачивается губительной одержимостью. Аристократ и плебейка, ректор с сильнейшим магическим даром и обыкновенная целительница, чья сила лишь в том, чтобы спасти жизни других людей. Говорят, любовь не купишь, но что, если простая магическая привязка вдруг оборачивается неконтролируемой страстью? И как быть, когда разум и взаимная ненависть оказываются слабее связавших уз?

Марьяна Сурикова

Пленница. В оковах магии

© Марьяна Сурикова, 2017

© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

* * *

Глава 1

Источник

Зор поднялся по ступенькам старого особняка, вошел в мрачный холл и скинул плащ на руки подбежавшему слуге. Второй в это время принял тяжелый ректорский медальон на золотой цепи, отнес на положенное место в стеклянном шкафу, запер и повесил ключ себе на шею. Да, все слуги в этом доме знали, что при малейшем несоблюдении правил, отклонении от определенных действий, неповиновении последует наказание. Какое? Зависит от тяжести проступка.

Ректор одной из самых старинных академий Амадина неспешно направился по лестнице вверх. Пока его прислужники смотрели вслед, он шел, распрямив плечи и ровно держа спину.

Эта проклятая усталость будто въелась в вены, день ото дня груз ее становился тяжелее. Только маленькая пленница могла помочь в такие моменты, только рядом с ней удавалось вдохнуть полной грудью. Как же он ненавидел стремительно бегущие годы. Именно теперь, когда за плечами были опыт прожитых лет, отточенные до совершенства магические навыки и заслуженная слава, он с каждым днем все больше презирал свою жизнь. Пустота таилась в душе, пустота и жгущая изнутри искра противного, мерзкого и отчаянного желания, затушить которую не хватало всей его магии.

Он вошел в ее комнату, привычно опустил в ждущее только его прихода кресло и посмотрел на сидящую на кровати изящную фигурку. Девушка обхватила колени руками и смотрела в окно знакомым отрешенным взглядом. Тонкая, хрупкая, почти ненастоящая, почти... но его ладони слишком хорошо помнили жар ее кожи и этот невесомый шелк густых мягких волос. Зор прикрыл глаза, прогоняя наваждение.

– Бэла, – его голос резко прозвучал в тишине, – иди сюда.

Послышались тихий вздох и звук легких шагов. Она подошла послушно и равнодушно, протягивая к нему руки.

Прохладные ладони коснулись лба, по телу потекли живительные потоки чужой, ставшей уже знакомой энергии. Расслабились мышцы, налились силой мускулы, грудь расправилась, и кислород наполнил каждую клетку. Под тонкими пальцами разгладились морщины на лбу, волосы, напоминавшие тусклые нити выбеленной пряжи, приобрели свой естественный блеск, стали похожими на густой мех белоснежного барса. Зор вздохнул, открыл глаза, отстранился от тонких рук, и Бэла послушно опустила ладони. Он окинул взглядом худенькие плечи, устало поникшую голову. Сегодня потребовалось слишком много энергии. Еще днем его вызвал к себе король и дал на редкость трудное задание, с которым Зор справился, но Бэле сейчас пришлось восполнить все его энергетические затраты.

– Иди.

Девушка отвернулась к кровати, длинные заплетенные волосы взлетели, коснувшись пушистым кончиком его руки, и Зор поморщился от досады, потому что руки напряглись, сами собой, помимо его воли, схватили толстую косу, а девушка тихонько вскрикнула и резко затормозила. Зор с трудом разжал собственные пальцы. Его тело не подчинялось ему. Больше всего сейчас хотелось – не отпускать, а намотать косу на руку, притянуть девушку ближе, стиснуть ладонями тонкую талию и попробовать на вкус ее почти прозрачную мраморную

кожу.

Громко хлопнув дверью, Зор вышел в коридор и прошел в свою комнату, скинул рубашку, остановился перед большим зеркалом. Скоро, совсем скоро ему исполнится триста шестьдесят лет, а он не выглядел даже на сорок – по меркам тех простолюдинов, чья магия уснула сразу после рождения, потому что никто и не думал ее развивать. Дар требовал ежедневного кропотливого труда, зато магическая сила обеспечивала долголетие.

Ректор прислонился лбом к холодной поверхности, умиряя жар, вновь прокатившийся по напрягшимся мышцам. Да, он не выглядел как старик и не чувствовал себя таковым, когда она находилась рядом.

Следовало найти другую целительницу или лучше целителя, но сделать это теперь сложнее, намного сложнее, чем раньше. А еще у него появился некий могущественный враг. Кто он, ректор не догадывался, но чувствовал, что этот тайный недоброжелатель узнаёт о его планах едва ли не раньше самого Зора. Сколько замечательных идей так и не было воплощено в жизнь по, казалось бы, случайному стечению обстоятельств. Но не быть ему аристократом, если он не отыщет этого мерзавца!

Зор опустил на кровать, разглядывая тяжелый бархатный балдахин над головой. Зря он польстился на самую сильную целительницу из всех, но ему и в голову не могло прийти, какая проблема встанет перед ним через некоторое время. Красивое личико, красивое тело, он даже не обратил на это внимания, ведь она была плебейкой по рождению, обычной безродной виеркой. Зор прижал ладони к вискам, сдавил голову, вспоминая, как в первый раз увидел лучшую ученицу Школы целителей.

– Это она, вон та девушка.

– Рыжеволосая?

– Да.

– Семья есть? Насколько сложно выкрасть ее?

– Мать и брат, отца нет. Живут небогато. Выкрасть сможем, главное, потом спрятать получше.

– Не беспокойся, если она попадет ко мне, никто не сможет забрать ее. Как ее имя?

– Бэла Хингис.

– Через неделю я продумаю план и поставлю тебя в известность.

– Буду ждать.

Зор наблюдал, прислонившись к углу здания, как смеющаяся девушка в компании подруги вышла за ворота Школы целителей. Он бросил взгляд на толпу, привлеченную перепалкой двух магов. Между возмущенными спорщиками то и дело проскакивали в воздухе голубоватые искры.

Они пытались выяснить, по чьей вине вдруг перестали отзываться эсканилоры^[1]. Маги обвиняли друг друга, говорили что-то о взаимоисключающих потоках, о невозможности одновременного использования разнополюсных магических вещей и собрали вокруг себя немало зевак. Ректор старейшей академии королевства едва заметно повел рукой, подавая знак одному из своих верных вышколенных слуг.

Натянув капюшон плаща пониже, тот быстро пошел вниз по улице, а по дороге, словно ненароком, натолкнулся на девушек. Споткнулся, сбил с ног подругу рыжеволосой целительницы и рассыпался в извинениях.

Зор неспешно направился в сторону беседующих учениц и остановился за спиной Бэлы Хингис как раз в тот момент, когда слуга запустил руку в карман, а потом швырнул в лицо ничего не подозревающей подруги серебристый порошок. Девушка схватилась руками за шею, Бэла вскрикнула, вскинула засиявшие целительской магией ладони, и руки мага за ее спиной сомкнулись на тонких запястьях. Волна жара пробежала по коже, защитные браслеты упали на землю, и мир перед глазами поглотила темнота.

Подъехавшая карета заслонила их от глаз собравшейся на другой стороне улицы толпы. Люди, отвлеченные любопытным зрелищем, не заметили, как маг подхватил потерявшую сознание девушку и быстро внес в карету, а слуга прыгнул следом.

Все произошло так стремительно, что остальные учащиеся целительской школы даже не успели выйти за ворота. Именно Бэле с подругой, успешно справившимся с заданием, преподаватель позволил покинуть практическое занятие на пять минут раньше остальных. Удивительно, но сегодня всегда строгий и ворчливый господин Сальторес похвалил обеих учениц и милостиво разрешил отправиться домой до звонка.

Когда несколько минут спустя студенты потянулись на улицу, к собственному изумлению заметили на тротуаре бесчувственную девушку, а вот вторую, рыжеволосую целительницу, они с тех пор не видели.

Очнувшись на широкой кровати в незнакомой комнате, Бэла тревожно огляделась вокруг и вздрогнула, увидев напротив незнакомого мужчину. Беловолосый маг откинулся на высокую спинку кресла и непринужденно разглядывал очнувшуюся целительницу.

«Аристократ!» – гулким гонгом прозвучало в голове Бэлы, и именно осознание этого заставило сердце забиться тревожнее. Целительница никогда не имела дела с аристократами, но такая манера держаться не была свойственна ни одному из знакомых девушке виеров. Ровная спина, изящные, но не тонкие руки, расслабленно лежащие на подлокотниках, длинные пальцы, сжимающие полупрозрачную белую трость. Гордая посадка головы и взгляд... взгляд человека, абсолютно уверенного в том, что каждое его пожелание будет исполнено.

Девушка сжалась под этим пронизывающим взглядом, безотчетно подтянула колени к груди и обхватила их руками. Подрагивающие пальчики скомкали подол темно-синего платья. Где она оказалась?

– Кто вы? – Голос дрогнул, и целительница крепче стиснула кулаки.

– Меня зовут Зор Анделино, слышала это имя?

Бэла кивнула, но тревога в душе не улеглась, а превратилась в настоящий бушующий ураган. Анделино! Ректор Академии аристократии, могущественный маг и очень влиятельный человек.

– Это ваш дом?

Царственный наклон головы вместо ответа.

– Зачем я вам понадобилась?

Бэла ждала ответа с замиранием сердца, что-то подсказывало, что ее привезли в чужой дом с дурной целью. Внезапно в памяти всплыло давнее воспоминание об еще одном аристократе. Только тот мужчина был гораздо менее могущественным человеком, он прельстился красотой девушки и предложил семье Хингис взять Бэлу в любовницы, пообещав ей хорошее содержание. Брат тогда едва не спустил высокородного господина с лестницы, и больше аристократ в их доме не появлялся.

Мужчина в кресле напротив все так же разглядывал ее с невозмутимым выражением лица, потом коротко бросил:

– Подойди.

Нет, ни за что! Страшно, очень страшно.

Его губы скривились в презрительной усмешке.

– О чем ты подумала, девчонка?

Усмешка перешла в холодный смех, вызывающий озноб.

– Безродная виерка, чье единственное достоинство – это сильный целительский дар?

Я бы не взял твое тело, даже умоляй ты меня на коленях.

Стало ли Бэле легче от его слов? Может, всего лишь на долю секунды. Он сказал про целительский дар...

– Ты мой источник, – подтвердил ее худшие опасения беловолосый маг.

Все сжалось в душе, заныло сердце, а внутренние органы будто завязались тугим узлом.

– Нельзя, – еле слышно вымолвила целительница, – нельзя просто так похитить человека.

– Это зависит от того, кто похищает, – спокойно ответил маг.

Бэла увидела, как Зор сжал в ладони зеленый шар, вспыхнувший ярким светом. Через несколько минут дверь спальни отворилась и вошел слуга. Он нес в руках тонкую длинную цепь с кольцом на одном конце и широким браслетом на другом.

Девушка побледнела.

– Это для твоей безопасности, – с холодным безразличием пояснил маг, – я не хочу, чтобы мой источник выпал из окна и сломал себе шею. Сниму позже, после ритуала.

– Мама! – Эдвар Хингис взбежал по ступенькам крыльца, распахнул входную дверь. Как не хотелось огорчать сегодня мать, но ему снова отказали от места. Повздорил с очередным аристократишкой, теперь у него оставалась единственная надежда – попробовать устроиться в виерскую академию. Только удастся ли? Там у них новый ректор, говорят, тоже аристократ, а у Эди к ним столь стойкая неприязнь, что едва ли удастся сдержаться. – Мама. – Молодой маг зашел на кухню, ожидая застать мать у плиты, но она сидела возле стола, склонив голову на скрещенные руки. Дохнуло холодом нехорошее предчувствие. – Что произошло?

– Бэла не вернулась из академии.

– До сих пор?

– Я была там, говорила со всеми, с Энисой... Бэлу украли, Эдвар. Украли, но никто ничего не видел, никто ничего не знает.

Голос матери сорвался, а Эди сжал кулаки.

– А защитные браслеты?

Мать подняла с коленей два узких браслета.

– Они лежали на земле возле забора академии, – почти неслышно ответила она, и голос дрогнул от с трудом сдерживаемых слез.

В тот же миг Эди очутился возле матери, присел на корточки, взял ее холодные ладони и прижал их к губам.

– Я найду сестру, мама, найду. Тот, кто сломал защиту браслетов, должен быть очень сильным магом. Бэла нужна ему как источник, он не причинит ей вреда. Клянусь, что найду и его, и способ вернуть сестру.

Эди сидел у стойки и заливал в себя уже третью по счету кружку с самым крепким напитком в заведении Пита. Напиток назывался очень поэтично «Лунный луч». Хозяин обещал, что после такого пойла себя позабудешь и уже не вспомнишь, как тебя зовут. Однако пока Эдвару не помогало.

Он прошерстил трущобы, пытаясь найти того, кто мог бы помочь с поиском сестры, но все известные ему мошенники клятвенно заверяли, что они не ведают об этом деле ни слухом ни духом и помощи оказать не могут. Он обратился в Эстаду^[2], однако и оттуда пришел ответ, что девушка пропала бесследно. Эди готов был разнести Школу целителей по кирпичикам, но директор позвал охранников, и виера выставили вон. Что мог сделать один бедняк с армией господ, у которых имелись большие деньги? Однако Эдвар и не думал сдаваться, вот только забыться чуток не мешало бы. Слишком больно осознавать собственное бессилие, видеть горе матери и самому волноваться за сестру до спазмов в сердце.

Позади прошли два человека в длинных плащах, Эди равнодушно проводил их взглядом. Долетели слова:

– Отторжение частной собственности, господин, вопрос не одного дня...

– Достаточно, – ответил второй таким тоном, что Эдвар поморщился. Проклятые аристократы, даже в этом зловонном заведении от них нет спасения! – Я более не нуждаюсь в ваших услугах.

Виер равнодушно наблюдал, как второй человек остановился, скинул капюшон и со злостью посмотрел вслед удаляющемуся аристократу. Эди узнал старого пройдоху. Лысый Бона мастерски проворачивал всякие черные делишки, касающиеся афер с наследством, собственностью и прочими щекотливыми поручениями. Тот еще тип, с таким связываться – себе дороже.

Эдвар заметил, как Бона достал из кармана небольшой шарик и, размахнувшись, швырнул в спину удаляющегося господина. Металлическая вещица, быстро вращаясь, догоняла аристократа. Ожидая удара, Эди затаил дыхание, но буквально за миг до столкновения аристократ резко обернулся – вот так реакция! – и, выставив ладони, остановил клис^[3].

Эдвар пришел в себя, вскочил на ноги, ненароком смахнул со стойки стакан с выпивкой и, быстро вытащив из кармана эсканилор, за минуту сформировал вокруг замершего шара защитную сферу. Посетители, наблюдавшие за клисом, ахнули, когда внутри полупрозрачного пузыря полыхнуло ярким ослепительным огнем. Эдвар удвоил усилия, влил в магические потоки еще больше энергии. Он единственный из присутствующих знал, что клис не простой: после взрыва вокруг него разлетаются мелкие металлические шары, каждый из которых подобен взрывной пуле. Аристократа, стоявшего ближе всех к сфере, могло разорвать на мелкие кусочки.

Шары посыпались в пузырь защитной сферы как горох, а у Эди от затраченных усилий на лбу выступил пот. Он увидел: человек в плаще вновь вскинул руки; удивился на миг, не приметив в них эсканилора; но вокруг защиты Эди сформировалась новая черная сфера, поглотившая шар. Секунда, и клис буквально растворился в воздухе. Посетители таверны выдохнули, а ловкий Бона к этому моменту уже сделал ноги.

Маг в плаще повернулся лицом к Эди и неспешно подошел. Плюхнувшись на стул, виер наблюдал за приближением аристократа и поражался – за каким лядом ему понадобилось спасти шкуру этого лощеного хмыря?

– Добрый вечер, – раздался негромкий голос.

– Не такой он и добрый, – досадуя на самого себя, Эди отвернулся к стойке и заказал еще один стакан крепкого напитка.

– Для меня, безусловно, добрый, раз вы помогли мне избежать серьезных травм. Дело в том, что в клис невозможно вложить еще одну начинку, и я не мог знать об этих пулях.

– Это не клис. Шар из разряда редких магических предметов, достался Боне в наследство. Он еще может собираться из частей обратно, но теперь, кажется, частей не осталось.

– Это все объясняет, – ответил собеседник, а Эди искоса взглянул на него. Мужчина откинул капюшон и протянул Эдвару руку. Только секунду спустя молодой человек заметил в ней черную карточку.

– Премного благодарен, я ваш должник. Если понадобится помощь, обращайтесь.

Его манера держаться, спокойная уверенность и тон, каким незнакомец произнес слова благодарности, заставили Эди взять протянутую карточку. Однако стоило господину отвернуться и направиться к выходу, желание избавиться от свидетельства признательности подвигло виера скомкать карточку и швырнуть подальше под стойку. Ему еще от аристократов помощи не хватало!

Утро принесло с собой головную боль и желание развалиться на кусочки и никогда не собираться обратно. Эдвар со стоном протянул руку, не нашел на столике стакана с водой и медленно, со вздохом открыл глаза. Яркий свет отозвался мучительной резью под веками, и виер снова застонал. А ему сегодня еще ехать в академию, устраиваться на новое место работы. На черта он вчера так напился?

...Оправляя приготовленный матерью костюм и приглаживая волосы, Эдвар широким шагом поднимался по ступенькам лестницы, ведущей к кабинету ректора виерской академии. Ему нужна эта работа, ему нужны деньги, чтобы продолжить поиски Бэлы, без монет он не продвинется ни на шаг. Остается стиснуть зубы и умерить свою ненависть к гнусным аристократам, чтобы ректор принял его на работу.

Постучав, Эдвар услышал приглашение войти и отворил дверь в просторный светлый кабинет. Сделал несколько шагов и остановился, когда сидящий за большим столом человек поднял голову. Проклятье!

Ректор Академии виеров улыбнулся и неторопливо встал.

– Рад нашей новой встрече, Эдвар Хингис.

Впервые в жизни Эди растерялся и не знал, что сказать.

– Меня зовут Амиральд Сенсарро. Приятно, что вы не побрезговали моим вчерашним предложением, поскольку предпочитаю отдавать свои долги. Чем могу вам помочь?

Зор поднялся по ступенькам и, два раза коротко стукнув в дверь, вошел в комнату маленькой пленницы. Девушка стояла возле окна, положив на стекло тонкие пальцы. Она резко обернулась, услышав скрип двери. Хотела попятиться, но тонкая цепь, прикрепленная к широкому браслету, обнимавшему щиколотку, не дала уйти далеко.

Зор опустил в кресло, невозмутимо показал ладонью на ссадины, оставшиеся на нежной коже.

– Браслет не снять, не старайся. Только зря тратишь время. Тебе не убежать, я об этом позаботился. Ты слишком ценна для меня, источник.

Он улыбнулся холодной, вызывающей озноб улыбкой и поманил пленницу к себе.

– Сегодня проведем с тобой ритуал. Снимай одежду.

Бэла покачала головой, схватилась за спинку кровати. Ни за что она по своей воле не станет участвовать в каком-то ритуале, никогда не разденется перед этим страшным человеком.

Маг поднял трость, и прозрачный белый хрусталь набалдашника засверкал золотисто-зеленоватым сиянием, с него сорвались тонкие полоски мерцающего тумана и потянулись к девушке.

Вскрикнув, целительница вцепилась в резную спинку еще крепче. Туман приблизился, полупрозрачные щупальца обвились вокруг ее талии, бедер, пальцев, оторвали от кровати и толкнули прямо к сидящему в кресле Зору.

Бэла упала на колени у ног холодно взирающего на нее аристократа. Трость пошла радужными переливами, новые щупальца протянулись, опутали целительницу тонкими нитями. Девушка почувствовала, как распадается на части мгновенно ставшая хрупкой ткань синего платья. Через несколько секунд Бэла осталась совершенно обнаженной. Свернувшись в клубочек, она прижала колени к груди, пытаясь хоть как-то отгородиться от сидящего рядом мужчины. Рыжие волосы рассыпались по спине, укрывая худенькие голые плечи.

Ей казалось, Зор сейчас накажет за непослушание, но на равнодушном лице не дрогнула ни единая черточка. Маг медленно потянулся к пуговицам собственной рубашки, расстегнул их одну за другой, столь же неторопливо снял и повесил одежду на кресло. Бэла ждала, что ей велют подняться, предстать перед магом вот такой, совершенно голой, абсолютно незащитной, но вместо этого аристократ вдруг опустился рядом с ней на ковер, и в его руке блеснул короткий острый кинжал.

Дыхание перехватило от страха, но мужчина не сделал попытки дотянуться до целительницы, он нанес себе два длинных пореза на правой и левой руке, сжал в ладони кинжал и закрыл глаза. Бэла наблюдала, как заструившаяся было кровь распадается на мелкие капли и поднимается вверх, формируя тончайшую красную сеть.

Девушка отшатнулась, когда эта сеть стала двигаться к ней, попыталась отползти назад, но сеть продолжала стремительно приближаться. Она окружила Бэлу со всех сторон и начала сжиматься – медленно, неумолимо, пока не коснулась тела целительницы и не прилипла к ней наподобие второй кожи. Бэлу обожгло как огнем, девушка вскинула руки, пытаясь содрать с тела красные ячейки, целительская магия вспыхнула на ладонях, заструилась голубоватым ручейком по коже, но ничего не изменилось. Красная сеть впитывалась в поры, растворялась в теле, сливалась с ним и причиняла девушке боль. Бэла ощутила, как слезы потекли из глаз, побежали по щекам.

Она глубоко вдохнула, и боль отпустила. На белой коже не было заметно никаких следов или отметин, внешне ничего не изменилось, но внутри... внутри теперь пульсировала чужая энергия, странная, холодная и мощная. Целительница снова вдохнула и ощутила новое движение этой энергии, та принаравливалась к жизненным потокам девушки, вливалась в вены, чтобы раствориться в крови, наполнить собой крошечные капилляры и каждую клеточку тела.

– Что ты сделал со мной? – Целительница оперлась на колени, со смесью страха и злости посмотрела на стоящего рядом Зора.

Маг медленно открыл глаза, даже такое движение далось ему нелегко.

– Что ты сделал?! – выкрикнула целительница, сжала кулаки и в отчаянии ударила

мужчину в грудь. Один, второй, третий удар по напряженным мышцам... Девушку начало колотить от страха, напряжения и странного пугающего чувства.

– Успокойся, – широкие ладони обхватили дрожащие кулачки, – твоя паника действует на нервы.

– Что ты сделал? – Бэла попыталась вырвать руки, но маг даже не заметил ее усилий.

– Я провел кровный ритуал и связал наши жизни. Теперь тот, кто вздумает убить меня, убьет и тебя тоже. – С этими словами Зор отпустил онемевшую от шока целительницу и медленно поднялся на ноги. Кровь на его руках запеклась и больше не вытекала из ран, застывая в воздухе мелкими каплями.

Сумасшедший, он сумасшедший! Снова захлестнула паника. Позабыв о кандалах, Бэла вскочила и бросилась к двери. Она не успела сделать и нескольких шагов – перед глазами все потемнело, стены комнаты покачнулись и стали падать на целительницу. Закричав, пленница выставила вперед ладони, пытаясь защититься. В миг, когда стены должны были ее раздавить, Бэлу сзади крепко обхватили за талию и подняли на руки. От прикосновения к обнаженной коже по телу пробежала новая волна жара.

Бледное лицо ненавистного аристократа расплывалось перед ее взглядом, пока Зор нес девушку к кровати. Уложив целительницу на покрывало, он оперся о резную спинку и склонился, глядя Бэле прямо в глаза:

– Смирись со своей участью, и тебе будет намного проще. Ты мой источник, я не позволю причинить тебе вред или отобрать тебя у меня.

С этими словами маг отвернулся и направился к двери, слегка пошатываясь, будто ноги с трудом держали его.

Глава 2

Эликсир

Зор открыл вход на потайную лестницу и спустился в полутемный подвал. Огромное пространство освещалось несколькими магическими кристаллами. Здесь было его царство: столы, заставленные всевозможными пробирками, колбами, бутылками с разнообразными растворами, а вдоль стен – полки с самыми редкими ингредиентами. Об этом месте не знал никто, кроме ректора.

Если не брать во внимание его обязанности при дворе, Зор вел довольно замкнутый образ жизни, он был слишком сосредоточен на своей главной страсти – науке. Много лет назад, достигнув тех вершин, о которых мечтал еще молодым и неопытным магом, Анделино понял, что жизнь стала слишком пресной и скучной. Его обязанности главного мага короля и руководителя лучшей академии Амадина уже не удовлетворяли ректора, не заполняли однообразие и унылость дней. Именно в тот период своей жизни аристократ увлекся чтением древних фолиантов, переводом полузабытых надписей на старинном языке, и существование обрело новый смысл. Зор наткнулся на удивительное высказывание о создании совершенного эликсира, способного служить заменой крови в организме человека.

Идея увлекла не своей новизной (что только маги не пытались заменять в человеческом теле), благодаря ей в голову закралась мысль изменить свойства крови, дабы усовершенствовать магические качества людей. Постепенно, развивая эту идею, Зор пришел к другому выводу – с помощью нового эликсира надо улучшить человеческую природу.

Мерзкие виеры, на его взгляд, недостойны были составлять конкуренцию аристократам во всем, что касалось магии. Для этого у Зора помимо воспитанного с детства презрения к плебеям имелись еще более веские основания. Доподлинно известно, что смертельным болезням подвержены только выходцы из низов общества, что тяжелейшие преступления совершаются именно этими отребьями, недостойными обладания магией. Чудилась какая-то несправедливость в том, что каждый человек рождался магически одаренным и ему требовались только желание и упорство, чтобы развить свой дар.

Вот и возникла у ректора идея создать эликсир, который заменил бы отравленную кровь и одновременно превратил бы виеров в обычных, не одаренных магией людей, вернул их в то положение, которое плебеи занимали раньше, – прислуги и помощников аристократов.

Было ли это ханжеством? В чем-то да, ведь положительно о виерах Зор никогда не рассуждал, но, с другой стороны, его мысли подтверждали многие факты: кровь аристократов была чище, сильнее, ее больше наполняла магия. Если виерам требовалась уйма времени, чтобы овладеть даром, аристократам все давалось чуть ли не в два раза легче. Не зря ведь когда-то существовало четкое разделение между классами – до тех пор, пока не появились люди, которые вздумали обучать своих слуг магии.

Зор поднял маленькую колбочку со стола, посмотрел на уникальный раствор, взболтал его, чтобы появился легкий дымок с характерным запахом, и вздохнул – ему нужна эта девчонка-целительница и ее сила.

Он потратил уйму времени на испытания, пришлось даже для этих целей задействовать часть финансов академии. Создание эликсира обходилось очень дорого из-за того, что требовалось добывать редкие ингредиенты. Например, органы диких животных, не

водившихся в их королевстве, или необычные минералы, добыча которых не только стоила денег, но была связана с риском для жизни. Для всех этих поручений привлекались проверенные люди, однако и плату за услуги они требовали соответствующую.

Каждое испытание или новый эксперимент с эликсиром вытягивали из Зора уйму сил. Всякий раз после таких опытов, когда он выстраивал составляющие в определенном порядке, связывал их нитями своей энергии, пытаясь соединить в единое целое, в глазах у аристократа темнело, ноги отказывались держать, так что стоило невероятных усилий просто дойти до спальни.

Помимо экспериментов имелись еще и обязанности, целая тьма обязанностей! А впереди ждали межакадемические соревнования с виерской академией, к которым следовало тщательно подготовиться. Победа – это дополнительные деньги, а они ему сейчас были очень нужны, как и источник.

Ни обязанности при дворе, ни работа в академии не отнимали столько сил, сколько эти тайные эксперименты, именно из-за них Зор стал нуждаться в подпитке. Девчонка казалась отличным решением, но следовало обезопасить себя. Ректор понимал, что родные попытаются отыскать и вернуть девушку. Целителей похищали и раньше, ведь они были единственными, кто мог делиться своей энергией и пополнять запас чужих магических сил, однако после создания защитных браслетов случаи похищения стали редкостью. Сломать защиту сумел бы лишь очень сильный маг, а потому Зор подозревал, что его рано или поздно вычислят. Ему донесли, что брат девушки разыскивает Бэлу вот уже больше месяца, пока безуспешно, но приходилось быть настороже.

Ректор облокотился о стол, рассматривая выстроенные на нем в определенном порядке пузырьки. Сегодня он не сможет продолжить эксперимент, слишком много сил вытянула кровная связка. Можно было бы восстановиться после таких энергетических затрат, но Зор опасался причинить вред источнику. Силу у девчонки нужно брать с осторожностью, а она пока не привыкла к чужой энергии в своем теле. Ничего, скоро привыкнет к своему положению, он и так дал ей достаточно времени, чтобы смириться, пора использовать целительницу в тех целях, для которых он ее похищал.

В эту ночь ему снились странные сны. Зор испытывал удивительные чувства, не похожие на все его прежние ощущения. Он был маленьким мальчиком и бежал навстречу отцу, вернувшемуся в их маленький невзрачный дом. Отец подхватил его на руки, закружил. Настоящее счастье переполняло мальчика, он обнял отца за шею, прижал голову к широкому плечу, пытался сдержать предательский кашель, но не смог – худенькое тело снова бил озноб.

– Тебе хуже? – Отец с тревогой посмотрел Зору в глаза.

Мальчик покачал головой, не желая признаваться, что тело болит, а живот крутит от голода. Он знал, чего стоило мужчине, державшему его на руках, каждый день добывать жалкие крохи еды. Но есть хотелось все сильнее, голод буквально пожирал изнутри, чувство это становилось настолько всепоглощающим, что ректор резко проснулся и сел в постели.

– За каким мерздом!^[4] – выругался Анделино и соскочил с постели. Голод потихоньку отступал, проходил и озноб в теле, головная боль притуплялась. Это был его и в то же время не его сон.

Распахнув дверь спальни, ректор стремительно направился по коридору в удаленное крыло, в котором находилась комната пленницы. Очень тихо отворив дверь, он приблизился к кровати, на которой разметалась рыжеволосая целительница. Морщинки прорезали

мраморный лоб, быстрое дыхание вырывалось через приоткрывшиеся губы. Анделино склонился над девушкой, коснулся ладонью обнаженного плеча, пытаясь определить, не начался ли у целительницы жар, и, резко отдернув руку, отшатнулся.

Когда он коснулся кожи девушки, ощущение было такое, словно его тело пронзил молниеносный колющий удар. Бэла вздрогнула во сне, простонала что-то и свернулась калачиком на постели. Тонкая цепь жалобно звякнула, скользнув серебристой змейкой по темной простыне.

Зор запустил руку в волосы, с трудом сдерживая ругательства, еще раз окинул взглядом спящую целительницу, отвернулся и тихо ушел. А потом лежал без сна в своей кровати до самого утра. Он лучше многих знал об особенностях кровной связи. Очень и очень редко случалось, что она связывала не только жизни, но и формировала эмоциональную зависимость. Объяснялось это, как ни странно, обычной физиологической совместимостью.

Не часто ректору доводилось испытывать такую досаду. Идеальная совместимость – с какой-то плебейкой! Он даже предположить не мог ничего подобного, иначе поразмыслил бы заранее и выбрал другой вариант. Только эмоциональной привязки к этой девке ему не хватало!

Нищета, голод, болезни – это все неотъемлемая часть мира грязных виеров, сам ректор никогда не испытывал подобного и не желал ощущать чужих эмоций или видеть чужие сны. Самое паршивое – и эмоции, и сны трансформировались в его сознание, накладывались на его личное восприятие, и он не просто ощущал чьи-то страхи, он понимал их, понимал с той точки зрения, которая была близка именно ему. Придется думать, как решить возникшую проблему. Связав себя и Бэлу кровью, Зор не мог вышвырнуть целительницу из своего дома.

Утром, когда рассвело, маг первым делом велел принести завтрак, хотя прежде всегда уделял время перед едой упражнениям. Мерзкое чувство голода до сих пор мучило его.

– Отнесите побольше еды девчонке, – отдал он приказ и заметил, как вдруг стушевался слуга. – Что? – Ректор пристально взгляделся в лицо побледневшего прислужника.

– Она отказывается есть, – еле слышно промолвил тот.

– Как давно? – Зор грозно поднялся из-за стола. Руки у слуги затряслись.

– Уже несколько дней.

– Почему молчали?

– Г-господин...

– Трусы! Обо всем, что происходит с девчонкой, докладывать мне немедленно, это ясно?

– Д-да.

– С вами разберусь позже.

Зор со злостью отшвырнул салфетку и направился в комнату девушки.

Она вновь стояла у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, вздрогнула от стука двери, а в его сердце кольнуло. Неприятное гложащее чувство поднялось в душе. Снова чужие эмоции, для него подобные скользкому червяку, который заворочался в душе, а для нее... что испытывала она?

Страх.

Девушка отвернулась, но Зор успел увидеть выражение ее глаз. Страх был ему неведом, а вот ей... Целительница не жила на свете столь долгое время, а у Зора на смену бесполезным эмоциям давно пришли совершенно иные чувства: холодный расчет, благоразумие и трезвое мышление. С другой стороны, страх – это хорошо, он позволяет легче контролировать чужую

волю.

Маг расположился в кресле, изучая замершую у окна фигурку.

– Хочешь заморить себя голодом?

Девушка не ответила.

– Не понимаешь, что я вряд ли позволю?

И снова молчание.

Зор продолжил спокойно, его тон не изменился, равнодушное лицо не исказила недовольная гримаса, может, лишь слегка напряглись руки, лежавшие на подлокотниках.

– В тебе течет моя энергия, девчонка, а во мне твоя. Мы стали в два раза сильнее на жизненном уровне. Знаешь, чтобы теперь убить нас поодиночке, нужно приложить много усилий. От голода ты будешь умирать слишком медленно и мучительно, но твое поведение не изменит моего решения. Хочешь истязать себя, истязай.

Зор поднялся, отвернулся от упрямой плебейки и спокойно направился к двери.

– Я чувствую... – долетел до него тихий голос.

Маг обернулся, девушка смотрела ему вслед.

– Я чувствую тебя, твое... настроение. Ты злишься из-за моего неповиновения. То, что рассказываешь сейчас, может оказаться обычной ложью. Ты хочешь заставить меня подчиниться, но много ли толку в источнике, который отказывается отдавать энергию добровольно?

Раздражение всколыхнулось в Анделино с новой силой. Уже очень давно никто не смел перечить ему, а эта бросала вызов прямо в лицо.

Несколько широких шагов – и он оказался возле целительницы. Девушка отшатнулась, но Зор поймал ее за плечи.

– А это ты чувствуешь?

И снова неизведанное ранее ощущение пронзило тело, разгорелось в груди обжигающим жаром, прошло по коже до самого горла, иссушило его чувством неудовлетворенного навязанного желания.

Ноги Бэлы подкосились, она практически повисла в руках мага, часто и тяжело задышала, щеки вспыхнули ярким румянцем, мелкие мурашки пробежали по коже от его ладоней, сжимавших хрупкие плечи. Стоило немного склониться, и девушка подняла к нему лицо, ресницы дрогнули, прикрыв лихорадочно заблестевшие глаза, а нежные губы слегка приоткрылись.

Он резко отдернул ладони, и целительница, не удержавшись на ногах, схватилась за подоконник и прислонилась спиной к стене. Растерянность во взгляде сменилась тревогой.

– Что это? – прошептала она, будто не смела повысить голос.

– Это называется желание, девчонка.

Бэла в растерянности смотрела в холодные серые глаза, пытаясь усилием воли унять непрошеную дрожь. Всего минуту назад ей так невероятно хотелось, чтобы он ее поцеловал, просто до боли в сердце. Он! Ее похититель! Жуткий высокомерный аристократ, который, не задумываясь, украл девушку из семьи только потому, что пожелал иметь под боком источник.

Пленница все еще не могла понять, как такое возможно. А он усмехнулся жесткой равнодушной улыбкой. Взял девушку за подбородок и приподнял голову выше. Дрожь вернулась. Она протекала по телу жаркими потоками, дыхание перехватило, мысли превратились в белесый невесомый пар.

Бэла открыла рот, но забыла, что хотела сделать, и только когда маг опустил руку,

вспомнила о своем желании вырваться.

– Теперь стало понятней? – спокойно поинтересовался Зор.

– Т-ты меня заколдовал?

– Нет.

Он отступил на шаг и сложил на груди руки, по лицу пробежала тень. Ректор бросил взгляд в окно и добавил:

– Это побочный эффект от кровной связки. Именно она вызывает физическое влечение.

– Только когда ты касаешься меня! – Девушка резко рванулась в сторону, отскочила на приличное расстояние, и лишь натянувшаяся цепь заставила ее остановиться. Маг придавил металлические звенья ногой, не позволив целительнице отойти дальше.

– Именно. Чем больше прикасаюсь, тем большего тебе хочется. А сейчас, я думаю, ты не против того, чтобы позавтракать? Верно?

Бэла смело встретила холодный взгляд, но внутренне содрогнулась. Она выдержала несколько секунд и опустила глаза.

– Хорошо.

Девушка думала, что мерзкий аристократ сейчас уйдет, но он лишь позвал слугу и велел принести завтрак. Кажется, собрался наблюдать лично, как она ест. У Бэлы глаза расширились от удивления, когда она увидела количество блюд. В животе крутило от голода, но целительница знала, что до отвала набивать желудок после долгого голодания опасно. Она привыкла жить впроголодь по несколько дней подряд, однако от этого желание проглотить разом все вкуснейшие блюда меньше не стало.

Бэла медленно приблизилась к накрытому столу и села на стул.

– Не набрасывайся на еду, иначе тебе станет плохо, – раздался ненавистный голос.

Девушка бросила взгляд на невозмутимого тюремщика, который наблюдал за ней, поигрывая своей тростью.

– Зачем тогда столько блюд? – Она показала на закуски, салаты, разные сорта ветчины, хлеба и сыра, фрукты, несколько видов напитков и какие-то тарелки, накрытые серебряными крышками.

– Для разнообразия.

Девушка со злостью швырнула салфетку и вскочила. Очень хотелось опрокинуть этот стол и рассыпать яства по полу, а потом еще размазать ногой, пачкая пушистый дорогой ковер.

– У тебя такое разнообразие, а сколько людей голодает!

– Я у них еду не отбирал. – Маг и бровью не повел на ее выпад. Его абсолютно не заботило мнение девушки, единственное, чего он добивался, – ее абсолютной покорности.

Бэла злилась все сильнее и сильнее.

– Бездушная хладнокровная рыба, вот ты кто! Самый отвратительный из всех встречавшихся мне аристократов. Ледяная глыба! Ты даже на человека не похож. Мерзкий, отвратительный, гнусный!

Зор слегка приподнял брови, продолжая поигрывать тростью.

– Выговорились? Теперь ешь!

– Не желаю, не буду тебе подчиняться!

Как же он ее злил своей невозмутимостью, своим равнодушием, все в душе клокотало от ненависти. Сколько времени она провела в его доме, надеясь на помощь родных, веря, что совсем скоро ее вызволят, но брат не приходил, и надежда угасала с каждым днем.

Теперь девушка понимала, что она действительно находится в полной власти бездушного Анделино, и если раньше сопротивление могло сослужить плохую службу, подвигнуть Зора на усиление защиты, то теперь, осознав, какую связку он создал между ними, девушка пришла в отчаяние. Аристократ продумал все варианты.

– Снова отказываешься? Я ведь уже продемонстрировал минусы твоего сопротивления.

– А не ты ли говорил, что не прикоснешься ко мне? Что не взял бы мое тело, даже умоляй я тебя на коленях? Или аристократы более не держат своего слова?

– Я высказал свои мысли, но разве давал слово? – Он медленно поднялся из кресла и шагнул в сторону пленницы, не приближаясь, а обходя девушку по кругу. Бэла в тревоге повернулась, следя за ним взглядом.

– Все не так уж и плохо, – заявил он после пристального осмотра, – несколько минут можно вытерпеть, но сначала придется отвести тебя в ванную и хорошенько помыть.

Кровь бросилась девушке в лицо, то ли от его намека, то ли от прямого оскорбления. Он считал, что виеры не знают, что такое ванная, и вообще предпочитают не мыться!

На самом деле в последние дни целительница умывалась только из кувшина и нарочно не принимала ванну, пытаясь использовать все доступные ей средства и вызвать у тюремщика омерзение. Но когда он до нее дотронулся, а привязка всколыхнула чувства и вызвала дикое желание, последнее, о чем вспомнилось, – это о необходимых гигиенических процедурах. Теперь из-за кошмарной кровной связки ей не поможет даже целое корыто грязи.

Бэла отвернулась от мага, выискивая что-нибудь потяжелее из посуды на столе. Только она собралась схватить большое блюдо с фруктами, как руки Зора коснулись ее плеч, а губы прижались к шее. Это было как падение с высокой яблони вроде тех, с каких Бэла с братом таскали яблоки в детстве. Стремительный выброс эмоций и абсолютное смятение чувств во время головокружительного полета. Ноги подкосились, девушка упала на стул, а маг отшатнулся. Резко подался назад, но Бэла этого не увидела, она все еще не пришла в себя.

– А теперь ешь, – прозвучал глухой голос, и девушка дрогнувшей рукой схватилась за вилку.

– Амир, Амир! – Эди, распахнувший дверь в кабинет, застал ректора склонившимся над картой. – Есть новости!

Сенсарро поднял голову, зеленые глаза недобро блеснули. Эди увидел озабоченность на лице Амиральда и притормозил.

– Что-то случилось?

– Присядь.

– Что за карту ты рассматриваешь?

– Это планы домов самых влиятельных аристократов Амадина.

– Послушай, у меня есть доказательства, что Бэлу похитил один из магов-виеров, очень богатый и сильный гаденыш. Именно по этой причине мы с тобой потратили столько времени впустую. Мы искали аристократа, а это оказался виер.

– Какие доказательства?

Сенсарро опустился в ректорское кресло и махнул рукой, предлагая Эди занять место напротив.

– Вот, я перехватил его переписку. Посмотри, в этом письме он рассуждает о том, как долго могли бы жить сильные маги, используя они силы источника, видишь?

– Эдвар, это не доказательство.

– Мы с тобой проверили почти всех сильнейших аристократов. Мы засылали шпионов в разные дома, Амир, но не нашли Бэлу нигде.

– Забыли проверить одного человека, Эди.

– Кого?

– Того, о ком даже подумать не могли. Взгляни на эту схему, посмотри, чей дом стоит обособленно и является самым защищенным.

Эдвар склонился над столом и рассмотрел на обширном плане роскошный особняк, построенный в отдалении от прочих домов столицы, окруженный рощей и толстым, скорее всего, каменным забором.

– Здесь написано «Особняк Зора Анделино».

– Верно.

– Ректора Академии аристократии?

– Именно.

– Ты думаешь, это он? Бред, Амир. Он ректор, у него полная академия одаренных студентов, к тому же он один из сильнейших магов в Амадине, а еще – ему покровительствует король. Да ему просто не на что тратить силы в таком количестве, чтобы пополняться за счет источника. Я думаю, в этом особняке столько слуг, сколько воров в трущобах.

– И все же...

– Ты по-прежнему сомневаешься?

– А если он ежедневно тратит силы на что-то очень энергозатратное, оттого не хватает обычного времени, чтобы восстановиться? Усталость может забирать его жизненную энергию, приплюсуй сюда бесчисленные обязанности и непереманные магические практики.

Слова Амира посеяли в душе Эди сомнения.

– Скажи, – Эдвар пристально всмотрелся в лицо Амиральда, – это непредвзятое мнение? Все же вы с Зором соперники.

– Если сомневаешься во мне, – ректор выпрямился и скрестил на груди руки, – можешь отправить в его дом шпионов и послушать, что они донесут.

Глава 3

Связь

Зор сидел в огромном мрачном кабинете ректора академии, составлял приказы для своего секретаря, не менее мрачного и унылого господина, а также просматривал все отчетные листы с достижениями студентов. Они ему требовались, чтобы в дальнейшем провести отбор самых одаренных учеников, которые смогут принять участие в планирующихся состязаниях. Выигрыш виерской академии магии в этом году стал для ректора настоящим ударом. Вспомнив об играх, Зор случайно перепутал бумаги и поставил подпись на том листе, на котором собирался написать отказ.

Плебеи только и говорили, что одержали победу, утерли нос аристократам – и безумно радовались своей удаче. Ректор постучал пальцами по столу. Пускай! Он не допустит повторения позорного провала. Слишком беспечен он был на этих играх, не подумал присмотреться внимательней к своему главному сопернику.

Кто мог предположить, что Сенсарро окажется таким превосходным руководителем и за короткий срок возьмет отсталую, разваливающуюся академию под жесткий контроль. Ректор аристократов был достаточно умен, чтобы не задаваться вопросом: как плебеи смогли победить? Зор четко проанализировал собственные промахи, сложившуюся в тот момент ситуацию и общую политику в королевстве.

С одной стороны, король покровительствовал исключительно аристократии, с другой – проклятое виерское движение набирало обороты, народ волновался, а потому нужно было утихомирить людей, бросить им этакую сахарную косточку. А что может быть лучше, чем продемонстрировать, что они способны выйти на один уровень с лучшими представителями королевства. Ничего, на этот раз он все организует иначе и непременно добьется победы.

Зор склонился над столом, отыскивая глазами схему прошедших игр и собираясь приступить к разработке нового плана, когда его кольнуло непривычное чувство. Он только взял в руки чертежную палочку и вдруг выронил и резко согнулся, борясь с острой болью в сердце. На ректора внезапно накатила такая тоска, какой он не испытывал добрую сотню лет. Ему стало по-настоящему тягостно, как бывает, когда твои самые радужные, самые светлые надежды вдруг рушатся в одночасье. Зор полагал, что это чувство он давно успел позабыть. Ректор сжал руками столешницу и постарался отдышаться.

Не его эмоции! Снова эта девчонка!

Маленькая пленница ходила взад-вперед по своей комнате и вспоминала родных. Ей было очень тоскливо, очень грустно. Отчего брат не появился, почему не вызволил ее из дома этого человека? Сколько времени прошло? Уж точно больше двух месяцев, а проклятый тюремщик день за днем обретал над ней все большую власть.

Теперь при виде аристократа она не испытывала прежнего ужаса и отвращения. Его присутствие стало привычным. Он приходил, усаживался в кресло, иногда заводил разговор. Ведь, кроме этого человека, ей не с кем было общаться. Слуга, который приносил еду, не вызывал у девушки симпатии. Ей не нравились его взгляды и странные ухмылки.

Весь день пошел наперекосяк из-за непрошенных эмоций плебейки! Зор злился, но не

мог подавить эти чувства, поскольку они не принадлежали ему. Девчонка тосковала, и он, абсолютно равнодушный ко всему, что не касалось его интересов, вдруг пожелал увидеть ее родных и убедиться, что они в порядке.

Это все больше напоминало сумасшествие. Анделино еще не научился абстрагироваться от чужих эмоций и пока не мог придумать, как этого добиться. Сейчас, по окончании рабочего дня в академии, он ехал в свой особняк, а по приезде собирался в первую очередь направиться в подвал. Он не желал встречаться с пленницей. Возможно, эти встречи каким-то образом укрепляли установившуюся связь. Сначала следовало придумать, как избавиться от ее ощущений.

Едва Анделино переступил порог дома, его сковало новое чувство – омерзения, отвращения и беспомощности. Он кожей ощущал чьи-то противные прикосновения и объятия.

Вырвав из рук слуги только что отданную трость, ректор выругался – громко, отборно, чем привел помощника в полнейшее недоумение, а затем поразил еще больше, стремительно, не снимая плаща, направившись к ведущим наверх ступенькам.

Бэла словно предвидела, что неприятный прислужник попыбует воспользоваться ее беспомощностью. Нет, он не планировал дойти до конца в своих приставаниях, но уж слишком привлекательной выглядела вышедшая из ванны целительница, завернутая в полотенце и прикрытая плащом из блестящих вымытых волос.

Девушка замерла на пороге, растерявшись при виде постороннего человека в комнате. Слуга принес ей ужин и, видимо как обычно, стучал в дверь, но она не слышала, поскольку впервые за долгое время позволила себе с наслаждением окунуться в теплую ароматную воду.

Длина цепи позволяла пройти в небольшую ванную, примыкающую к спальне, а после того как Бэла убедилась в тщетности попыток приобрести отталкивающую внешность (ведь Зор все равно прикоснулся к ней), она позволила себе маленькую слабость – вымыться.

Ее растерянность и искушающий вид наряду с полнейшей незащитностью, которую только подчеркивал тонкий браслет, обхвативший изящную лодыжку, подействовали на мужчину как красная тряпка на быка и совершенно помutilи его разум. Он выронил из рук поднос с едой и шагнул к целительнице. Она хотела скрыться в ванной, но зацепилась за цепь и упала на колени. Слуга обхватил ее сзади за плечи, прижал к себе и начал целовать обнаженную кожу. Волна омерзения поднялась в девушке, ей хотелось вырваться или ударить негодя. Схватившись за первое, что нащупали пальцы, Бэла замахнулась цепью и ударила пылкого поклонника по лицу.

Мужчина взвыл и отшатнулся, кажется, металлическое звено угодило ему прямо в глаз. Девушка развернулась, так и оставшись стоять на коленях, сжала цепь покрепче и, словно настороженный, ошетинившийся зверек, наблюдала за дальнейшими действиями слуги. Его растерянность оказалась ей на руку, позволила выиграть время и предпринять вторую попытку скрыться в ванной, но этого не потребовалось.

Дверь распахнулась, на пороге показался Зор. Сквозь привычную бесстрастную маску проступала леденящая ярость. Впрочем, это было больше ощущение, чем наблюдение. Бэла могла чувствовать самые сильные его эмоции, особенно когда маг находился близко. Сторонний человек отметил бы только, что глаза ректора приобрели более темный оттенок.

Он медленно вошел в спальню, окинул взглядом девушку, потом слугу с красной отметиной вокруг глаза, оперся на трость, и полупрозрачный набалдашник пошел

радужными переливами.

– Я давал тебе какой-то другой приказ или велел только приносить ей еду?

Слуга побледнел, страх так явно проступил на его лице, что девушка невольно приготовилась к самому худшему.

– Н-нет, господин.

– Тогда что ты здесь делаешь и почему вся еда лежит на полу?

– Я-я... г-господин...

Из набалдашника вырвался столп света, окутал слугу, тот захрипел, застонал, упал и стал кататься по полу, словно пытался что-то с себя сбросить.

– Снимите их, снимите их с меня! – верещал он.

Девушка вскочила на ноги, когда прислужник подкатился слишком близко. На его теле не было ничего, но он продолжал кричать, а потом вдруг затих.

Даже не подумав, что делает, целительница наклонилась к мужчине, проверяя циркуляцию жизненной энергии в его теле. Слуга был жив, только лишился сознания от ужаса.

Бэла подняла голову и столкнулась взглядом с Зором. Ректор невозмутимо стоял на прежнем месте, но трость больше не светила.

– Что это за заклинание? – спросила девушка.

– Наглядная демонстрация того, как ощущаешь себя, когда к тебе прикасается что-то по-настоящему мерзкое.

Замолчав, Анделино неспешно прошел к креслу, опустился в него и сжал в ладони шар вызова. Через несколько минут в дверь заглянул еще один прислужник.

– Вынеси его отсюда, – кивнул Зор на лежащего без сознания мужчину, – и вышвырни из дома. Услуги этого плебея мне больше не понадобятся.

– Конечно, господин.

Слуга подбежал к пострадавшему, взвалил на плечо и, пригнувшись под тяжестью тела, выволок его за дверь.

Девушка проводила их взглядом и вздрогнула, услышав, негромкое:

– Подойди.

Ей снова стало страшно, приближаться к прикрывшему глаза магу совсем не хотелось. Еще девушка вспомнила, в каком она сейчас виде, огляделась по сторонам, ища накидку.

– Подойди, – повторил Анделино приказ, открыл глаза и устремил пристальный взгляд на целительницу.

С опаской приблизившись, Бэла внимательно прислушалась к своим ощущениям.

– Пора тебе заняться прямыми обязанностями, источник. Мне необходимо пополнить силы без лишних слов и упреков.

Этот приказной тон и то, как он обратился к ней, вызвали настоящую волну ярости. Источник?! Просто неодушевленный предмет, призванный служить своему хозяину? Не человек и даже не разумное существо со своими мыслями и чувствами?!

– Нет!

Она сказала это достаточно твердо и решительно, настолько, что сомнений в ее непокорности у Зора не осталось. Маг медленно поднялся на ноги, а целительница вместо того, чтобы попытаться спастись бегством, попросту повернулась к нему спиной.

Гнев – первое чувство, всколыхнувшееся в груди Зора. Сначала эта назойливая тоска, что мучила его весь день, потом ощущение дикого отвращения и злость при виде представшей

картины, а теперь открытое неповиновение. Она смеет игнорировать его приказы! Плебейка, девчонка без имени, без рода, нищенка, которая и на учебу смогла поступить лишь благодаря средствам из королевской казны и сильному дару! Она противопоставляет себя ему?

Он подался вперед, она отскочила, и это еще больше разозлило мага. Смеет убежать от него, находясь в его полной власти? Совершив обманный маневр, он вынудил девушку отпрыгнуть в сторону, качнулся следом и ухватил юркую пленницу за локоть. Она забыла о его словах, о наказании, обещанном за неповиновение? Зор дернул целительницу к себе, резко развернул и, зафиксировав ее голову в ладонях, жестко поцеловал.

Им показалось, что вокруг взметнулся настоящий ураган, но в тот момент не было ничего реальнее этих ощущений. В ушах зашумело, в глазах стало темно, а желание накатило с такой силой, что по телу прошла волна боли.

Их губы соприкоснулись, вызвав в Бэле целую бурю эмоций, которые девушке не доводилось испытывать никогда. Она обмякла в руках мага, тонкие руки обвились вокруг его шеи, а тело прижалось к мужчине.

Зор хотел только наказать, заставить пленницу осознать, насколько ее тело зависит от малейшей его прихоти и подчиняется любому его капризу, но все вышло из-под контроля. Анделино считал себя намного сильнее неискушенной девчонки, но сила нахлынувших эмоций выбила почву из-под ног. Он лишь через несколько секунд осознал, с какой жадностью продолжает целовать ее, хотя показательное наказание уже возымело свой эффект. Руки сорвали с ее тела полотенце, гладили нежную кожу, сжимали тонкую талию, зарывались в густые шелковые волосы.

Как больно было отрываться от нее – будто разрывал себя на части. Его жизненный опыт, мудрость и магическая сила не могли избавить от наваждения, влившегося в кровь вместе с сотворенной привязкой. Глупо, как же глупо было ее создавать!

Он буквально оттолкнул девушку от себя, и она упала в то кресло, из которого ректор поднялся несколько минут назад. Длинные рыжие пряди рассыпались по груди, животу и бедрам, скрывая их от жадного взгляда, но Зор и сам отвернулся, не желая смотреть на пленницу, медленно пришел в себя и попытался выровнять дыхание.

Больше всего сейчас хотелось уйти, а вернуться потом, позже, намного позже, но Анделино понимал, что тогда и девчонка опомнится и снова начнет перечить или, того хуже, заметит, какое влияние их связь оказывает на него самого. Значит нельзя отступить, иначе он упустит момент.

– Теперь ты готова? – Он спросил громко, с нарочитым высокомерием окинул обнаженную фигурку взглядом. Целительница была так расстроена, что отголосок этих эмоций не замедлил коснуться Зора, но он попытался задавить чувства на корню, не позволил завладеть собой.

– Да или нет? Мне продолжать?

Она покачала головой.

Зор шагнул к кровати, сорвал покрывало и бросил целительнице.

– А теперь приступай.

Эди уже который день издали наблюдал за особняком Зора Анделино. Не приближался и ничем не выдавал собственного присутствия, иначе его легко могли бы заметить. Охрана вокруг дома была организована на высшем уровне.

Буквально на днях надежный человек донес Эдвару, что ректор уволил одного из слуг, и

эта новость невероятно обрадовала. Виер полагал, что сможет выпытать у прислужника нечто полезное, хотя бы какую-то информацию относительно сестры.

Каково же было его разочарование, когда обнаружилось, что Зор вовсе не так прост, чтобы с легкостью избавляться от свидетелей. Ректор продумывал все до мелочей, поэтому при найме ставил блок на память. Если слуги получали расчет, единственное, что они могли сказать о работе в доме Анделино, – это то, что неукоснительно следовали правилам и соблюдали строгий распорядок. Когда человеку задавали вопросы о конкретных обязанностях, он, как правило, не мог ничего припомнить в деталях, выдавал нечто размытое вроде: «Поддержание порядка, уход за вещами», – и остальное в том же духе.

Слуга, пойманный Эди в одной из таверн, также ничего толкового припомнить не мог. Он лишь вливал в себя кружку за кружкой пенистое пиво и сетовал на мелочность и грубость аристократа. Он затаил обиду на Зора за то, что тот выкинул его из дома, не снабдив даже рекомендациями. Ведь без рекомендательного письма его не возьмут в другой богатый дом. А он так старался на службе у этого жлоба и выполнял все указания.

– Какие именно указания? – задал вопрос Эди.

– Вообще все, – последовал ответ.

Осознав, что зря теряет время, Эдвар направился в еще одно местечко. С виду оно напоминало приличный дом по найму прислуги, сюда не чурались обращаться даже элиты^[5], но именно в этом заведении предлагались весьма интересные услуги. Отдав половину месячной зарплаты (а она у преподавателя боевой магии виерской академии была очень даже приличной), Эди нанял лазутчика, который под видом прислужника устроился в дом Анделино. Сначала Эдвар опасался, что слугу-мошенника не примут на работу, но хозяйка конторы уверила в обратном. Она пояснила, что их заведение гордится своей репутацией и дорожит мнением клиентов, поэтому оплаченная услуга будет оказана на высшем уровне.

Разочаровавшись в очередной раз и не заметив ничего интересного за массивными воротами фамильного особняка, виер со вздохом отвернулся и направился в квартал, который населяли зажиточные горожане. Там, в небольшой комнатке давешней конторы, он планировал встретиться с новым слугой Зора Анделино.

Когда он прибыл на место, его уже ждали.

– Вы нашли что-нибудь? – тут же задал вопрос Эдвар.

Невзрачный, невысокого роста мужичок поднялся со стула и склонил голову. Осознав, что даже не поприветствовал его, Эди кивнул в ответ и приготовился слушать.

– Дело в том, господин Хингис, что, когда я покинул дом сегодня вечером, я забыл обо всем, что узнал. Однако, имея в виду опыт своего предшественника, записал сведения на клочке бумаги, которую спрятал весьма тщательно. Согласно изложенной на ней информации в особняке действительно держат девушку.

– И? Еще информация? Как она выглядит?

– Больше ничего, господин Хингис. Полагаю, что большего узнать попросту не сумел. На мой взгляд, намного разумнее было бы устроить в особняк еще одного из наших людей. Я слышал, кухарка Анделино заболела, предлагаю нанять одну надежную женщину. Вам это, правда, обойдется подороже, но зато сможете получать более полную информацию.

– Ну а вы, какова будет ваша роль?

– Господин Хингис плохо представляет, с кем нам приходится иметь дело. Маг слишком проницательный человек, так что мои расспросы вызовут ненужные подозрения. А вот кухня такое место, где слуги любят делиться секретами за кружечкой пива или, на крайний случай,

горячего чая. Мое же дело – доводить информацию до вашего сведения.

Эдвар глубоко вздохнул, пытаясь справиться с разочарованием. Хорошо, это уже что-то. После двух месяцев бесплодных поисков они попали на какой-то след. Вполне вероятно, Амир был прав, подозревая именно Зора, хотя в первый момент эта идея и показалась дикой.

Наверное, Сенсарро не откажется ссудить ему определенную сумму в счет следующей зарплаты. Возлагать все хлопоты и расходы по поиску сестры на плечи собственного начальника Эдвар не думал, хотя бы потому, что даже при весьма трудных условиях жизни оставался очень гордым человеком. Мать иногда с грустью шутила, что подобные замашки у него от отца.

– Мы простые люди, сынок, порой лучше прогнуться и приспособиться к обстоятельствам, чем идти напролом.

Эту мудрость мать вынесла из собственного печального опыта, но смирять свой нрав Эдвар не умел. Был ли его отец, чистокровный аристократ, таким же гордым, Эди сказать не мог. По сути, элиты всегда и перед всеми задирали носы, так что, возможно, был. Мальчик никогда не знал другого родителя, кроме того, который растил его и приходился Бэле родным отцом. Хороший, добрый человек, нисколько не гордый.

Эдвар повернулся к застывшему в ожидании прислужнику.

– Я согласен, назовите свою цену.

Бэла не знала, что же такое произошло и отчего Зор вдруг позволил ей выходить из комнаты. То есть сначала она проводила день за днем в спальне на цепи, словно собака, а потом в один из вечеров, когда солнце только клонилось к закату, маг пришел, снял с ее ноги браслет и сказал девушке, что проводит ее в сад. Целительница едва сознания не лишилась от счастья.

Когда Анделино вынудил ее выступить в роли источника, она была зла и невероятно растерянна. Обидно сознавать, что ничего не можешь противопоставить тюремщику и он добился своего. Она не могла диктовать условия, а он мог, она не имела возможности сопротивляться, а его желаниям приходилось следовать неукоснительно. После того показательного поцелуя маг больше не прикасался к девушке, а приходил к ней раз в два дня, садился в кресло и приказывал подойти.

Стоило приблизиться, как он закрывал глаза и ждал, молча ждал, когда Бэла положит ему на лоб руки и восстановит утраченную энергию. Она тоже чувствовала себя уставшей после таких встреч, но испытать нечто подобное прошлому взрыву совершенно не стремилась. Возможно, магу и было противно прикасаться к ней, о чем он говорил еще вначале, но в прошлый раз от его ласк горели не только губы, но и тело.

Девушка заливалась краской, когда вспоминала об упавшем к ногам полотенце и о том, как она поднялась на цыпочки, чтобы обнять аристократа за шею и прижаться крепче. Однако именно после того происшествия, когда целительница все-таки пополнила энергетический резерв мага, отношение Анделино стало ровным и подчеркнуто вежливым. Никаких оскорблений или презрительных гримас, насмешек или недовольства с его стороны. А теперь он самолично вывел ее из комнаты, затем по темной узкой винтовой лесенке провел в огороженный высокой стеной двор.

Этот небольшой квадратный участок представлял собой уголок сада, уединенный и милый. Стены увивал зеленый плющ, посередине журчал хрустальными струями фонтан, к которому примыкал полукруглый неглубокий бассейн, в углу находилась уютная беседка,

увитая ароматными розами. Вокруг росли чудесные цветы и деревья. Уголок казался таким укромным, что даже ограждение вокруг не замечалось.

Да, впервые за эти месяцы Бэла испытала неподдельную радость. Маг же молча отступил с дорожки в тень и, не говоря ни слова, наблюдал за целительницей.

Это было дико, другого более подходящего слова он не сумел подобрать. Дико снова чувствовать радость, пусть и чужую, но чистую и искреннюю. Зор мог ощущать удовлетворение, если планы претворялись в жизнь, или же удовольствие от достигнутых успехов, а вот радость... – еще одно странное и забытое чувство наподобие навеянного, невероятного по силе желания женского тела.

Бэла в этот момент осматривала каждый уголок, склонялась к цветущим розам, подбегала к бассейну, выскивала под водой золотых рыбок. Блики солнца скользили по лицу, зажигали красные искры в рыжих волосах. Зор наблюдал, и ему не хотелось отворачиваться. Прислонившись к холодной стене, ректор прикрыл глаза. Мозг в этот момент активно работал, подобно хорошо отлаженному механизму, просчитывал варианты дальнейшего развития событий. Разум единственный еще не подвел его, а собственное тело и чувства оказались слишком ненадежными союзниками.

Анделино презирал виеров. Всегда. Он впитал это презрение с молоком кормилицы и считал такое отношение к плебейм единственно правильным. Он помнил тот период жизни, когда вспыхнула война за независимость, когда народ восстал и шел убивать аристократов. В поместье мальчишки-слуги сговорились и без предупреждения напали на его родителей, убили их практически у него на глазах, а няня зажимала рот своего маленького господина, притаившись в крохотной каморке за тонкой фанерной перегородкой. Именно благодаря ей несправедный суд не свершился над ребенком. А потом и няня погибла, с ней расправились те, от кого она защитила Зора. Сам он выжил лишь благодаря кстати объявившимся родственникам. Аристократы наконец пришли в себя и ответили на неожиданный удар, на помощь явились солдаты короля, они все вместе не дали древнейшему роду Анделино угаснуть на корню.

Зор открыл глаза, снова посмотрел на девушку, кажется, она напевала что-то себе под нос. Ни воспитания, ни стиля, ни умения вести себя и правильно строить разговор. Даже красота Бэлы не волновала его, разве мало он видел красавиц? По-настоящему притягательная женщина отличается изысканными манерами, врожденной утонченностью и тактом, а в Бэле не было ничего, только свойственные виерам порывистость, несдержанность и свободное выражение эмоций. Но вот именно эту девчонку Зор понимал и чувствовал лучше всех прочих людей. Чувства, чувства! Досадное недоразумение, пережиток человеческой природы, который никак не желал уступать место здравому смыслу. Если бы ощущения целительницы не распространялись на него, было бы намного проще.

Переведя взгляд на заходящее солнце, Зор подумал, что в его библиотеке помимо древнейших фолиантов, посвященных созданию магических эликсиров, есть еще и разнообразные книги по целительству. Подобных знаний этой девчонке ни в одной школе не дадут. Пожалуй, стоит принести ей парочку сборников и посмотреть на реакцию, возможно, тогда перестанет доводить его своей тоской.

Эди сидел как на иголках. Он изначально был против встречи в таверне, но осведомитель заявил, что это лучше, чем видеться в конторе и подводить все заведение. Тем более что нет ничего странного в двух пропускающих по стаканчику виерах, которые дружески болтают друг с другом в уголке старого трактира.

– Организуем побег на следующей неделе. Нужно тщательно спланировать время и детали. В дом вы войти не сможете, доступ только у живущих в нем, придется ждать снаружи.

Слуга Зора Анделино старательно изображал из себя смертельно пьяного прислужника, который заскочил в таверну, чтобы отметить ежемесячную выручку. При этом он очень внятно и четко излагал план действий.

– Нам поможет кухарка. К сожалению, заручиться поддержкой других слуг не удастся, они все у Зора на коротком поводке. К счастью, у дверей девушки нет охраны, а иногда она даже может спускаться в сад. Правда, всегда в сопровождении.

– Что, если Зор заподозрит неладное? Раскроет тебя или кухарку?

– Я слишком осторожен, а Дору никто не заподозрит. Говорил же вам, что фирма дает гарантии. У нашей кухарки отличный дар – вызывать доверие к себе. Поверьте, мы справимся, организуем все в лучшем виде.

Эди кивнул, откинулся на спинку стула, ожидая, пока собеседник закончит чертить что-то на клочке бумаги, и подумал, стоит ли ставить Амира в известность об этой вылазке, а потом решил: чем меньше людей знает о плане, тем лучше. На следующей неделе он сможет вернуть Бэлу домой.

Глава 4

Попытка

Зор перевернулся на спину, открыл глаза, уставился в темный потолок. Ветер завывал за стенами старого особняка, просачивался в древние щели, шевелил занавески в его комнате, шептал в ночной тишине. Маг сел на кровати, обхватил голову ладонями. Как тошно!

Поднялся, подошел к окну и прижался к холодному стеклу лбом. Не помогло.

За окном царила ночь, ветер гнул ветви деревьев, срывал листья и кружил их в воздухе. Холод прозрачного стекла не мог приглушить жар кожи.

Проклятая! Пальцы вцепились в волосы, но тяжелый стон не вырвался сквозь плотно сжатые губы.

Станет ли легче, если раскаяться и повиниться в том, что сделал? Нет. Не станет. И он не дошел до раскаяния, не увидел надобности просить прощения. Зор выкрал ее, чтобы девчонка оказала помощь в достижении великой цели, и она помогала. Насколько быстрее все получалось теперь, когда он перестал ощущать полное опустошение после своих опытов! Да, она помогала... но за каким проклятием его разрывало желание сейчас же сломать связавшие их узы и избавиться от рыжеволосой девки, отправить ее как можно дальше и никогда больше не видеть!

Он думал, что достигнет цели и вернет ее обратно, сотрет из памяти целительницы произошедшее в его доме, и все попросту забудется, а теперь... теперь каждый новый день походил на наказание. Возвращался домой и поднимался в ее комнату только затем, чтобы не бежать прочь, пытаясь избавиться от того, от чего избавиться был уже не в силах.

Маг резко развернулся, схватил с кресла халат, набросил на себя и, шагнув прочь из спальни, направился вдоль по темному коридору, в самый дальний конец. Дошел, замер, а потом протянул руку и отворил дверь.

Бэла никогда не задергивала занавески, и лунные лучи пробирались в комнату, освещая спящую на кровати девушку. Неслышно приблизившись к ней, Зор застыл на расстоянии вытянутой руки. Бэла разметалась во сне, распущенные волосы свесились с кровати. Он смотрел и смотрел на юную целительницу, и все яснее понимал, что в конце этого пути кроется гибель. Если не разорвать связь сейчас, потом будет слишком поздно.

Хотелось протянуть ладони, схватить тонкую шею, сдавить сильнее, чтобы не она, а он погубил ее. Зор простер руки к беззащитной фигурке, ладонь легла на тонкую шейку, пальцы дрогнули и, вместо того, чтобы сжаться, прошли чувствительными кончиками по бархатистой коже. Девушка задышала чаще, слегка откинула голову, длинные волосы свесились до самого пола, коснулись его босой ноги, и маг отскочил назад.

Снова сжал голову руками, сдавил так сильно, как только мог. Не помня себя, опустился на колени, вновь протянул ладонь, не касаясь, только чувствуя ее тепло, провел рукой над нежной щекой, над белым оголившимся плечом, над тонкой рукой и округлым пленительным бедром. Аромат ее кожи кружил голову, сердце, привыкшее неторопливо биться, разрывало грудную клетку, колотилось бешеными толчками.

Зор уткнулся лицом в покрывало, заглушая способность чувствовать ее запах, закрыл уши ладонями, чтобы не слышать тихого дыхания, по рукам прошла дрожь, а потом и все тело задрожало от напряжения.

Ему нужно придумать способ избавиться от этого. Нужно вырвать из сердца влечение, исцелиться от губительной похоти, потому что сейчас он сгорал в удушающей чувственной тоске, задыхался от собственного желания.

Зачем пришел сюда? Почему хотел увидеть ее? Прочь, немедленно прочь!

Он почти совладал с собой – не отнимая ладоней от ушей, не открывая глаз, стараясь не дышать, поднялся на ноги, сделал шаг назад.

Чужая боль вырвала Бэлу из оков сна, сначала ворвалась в безмятежные сновидения, сдавила горло, вызвала судороги мышц и заставила резко открыть глаза.

Еще не придя в себя после резкого пробуждения, девушка вскрикнула от испуга, заметив в полумраке спальни чью-то высокую фигуру. Только через несколько мгновений осознала, что это Зор. Подтянув к груди колени, целительница закрылась покрывалом до самого подбородка и спросила:

– Что ты здесь делаешь?

Маг не ответил, он как-то сипло дышал и не поднимал на нее глаз.

Бэлу сковали чужие ощущения: тоска, желание, отчаяние и отвращение.

– Не смей больше приходить ко мне, когда я сплю, слышишь?!

Он медленно поднял голову, взглянул на нее. Если бы Бэла не всматривалась в темноту столь пристально, не заметила бы, как сжались его кулаки.

– Это мой дом, девчонка, не тебе указывать, что мне делать.

– А я буду! Ты крадешься в темноте как вор, врываешься, когда я сплю. Или надоело использовать пленницу только в качестве источника? Захотелось удовлетворить другие потребности?

Бэла точно знала, бросать ему в лицо оскорбления не стоит, но ее так сильно скрутили чужие ощущения, что двинуться не могла, а слова служили единственным средством защиты, ведь если он к ней прикоснется, она не сможет сопротивляться.

– Повторю, в своем доме я делаю, что пожелаю. Для удовлетворения потребностей существует целая масса других женщин, не только внешне привлекательных, но и умеющих вести себя в обществе.

Бэла видела, он снова морщился, как и каждый раз, когда вспоминал о ее происхождении. Было ужасно неприятно сознавать, что для него перспектива прикоснуться к ней сродни возможности поцеловать склизкого мерзкого червяка.

– Именно поэтому тебя трясет от желания? Но, кроме себя, я не вижу вокруг других женщин.

Бэла дошла до последней точки. Хватит с нее такого отношения, не она пришла к нему в дом, он сам выкрал ее, сам создал привязку, а теперь пусть сам и мучается.

Он промолчал, не ответил на выпад, запустил пальцы в волосы и напряженно о чем-то раздумывал. Потом вдруг повернулся и решительно направился к кровати.

Девушка нащупала под покрывалом цепь, сжала ее, а Зор вдруг повернулся к окну, пройдя в дальний угол комнаты, достал из кармана ключ и снял цепь с кольца. Он принялся медленно наматывать ее на руку, пока та не натянулась.

– Идем со мной!

– Не пойду! Я с тобой никуда не пойду!

– Пойдешь! Пора прекращать этот болезненный бред. Спустишься следом за мной в подвалы поместья.

Зор собирался взять целительницу с собой, чтобы ее сила помогла найти лекарство в

кратчайшие сроки. Он сумеет создать нечто, что поможет излечиться от дурной обременительной склонности. Решать проблему иным, самым простым способом, он не собирался изначально. Разве можно настолько опуститься, чтобы ласкать плебейку!

Девушка упрямылась сейчас более чем когда-либо, она упиралась и сопротивлялась. Схватила руками за спинку кровати и не желала двинуться с места. Пришлось наматывать цепь снова, маг оказался слишком близко к пленнице и попросту потянул за звенья, заставив Бэлу подползти к самому краю.

– Мы идем немедленно!

– Убирайся отсюда, мерзкий, отвратительный аристократ! Больше не заставишь меня подчиняться своей воле. Угрозы не работают, Зор! Поскольку теперь я знаю, как тебе самому плохо от этой привязки.

Он вздрогнул, когда она произнесла его имя, потом вдруг резко наклонился, а девушка так быстро отпрянула, что упала спиной на кровать. Отползти не могла, мешала натянутая цепь. Возможно, Бэла зашла слишком далеко, не стоило отвечать ему оскорблениями, доводить до состояния холодной ярости.

Она ожидала угроз, попыток применить физическую силу, а он выпустил цепь из ладони и, поставив руки на край постели, навис над девушкой. Звенья цепи тускло поблескивали вокруг его запястья, напоминая о невозможности отодвинуться хоть на сантиметр. Его лицо было слишком близко, как и горящие глаза, и волосы, упавшие со лба и касавшиеся лица целительницы. Бэла отвела голову, но пальцы мага сжали подбородок, заставили девушку снова посмотреть ему в глаза.

– Проверим, насколько сильна моя воля, до какой степени я смогу дойти и не сорваться.

Он говорил не с ней, а с собой. Бэла испугалась, что своими словами довела его до решимости изучить всю глубину собственного влечения, узнать, какая черта для него является последней. Зор не мог позволить хоть чему-то просто так управлять собой, будь это даже неконтролируемое желание. Девушка не предприняла попытки увернуться, потому что тепло, исходившее от его пальцев, уже покалывало кожу, знакомые импульсы побежали по телу, дыхание стало чаще.

Ему оставалось только наклониться чуть ниже, и он склонился, обхватил ее голову, прижался губами к ее губам.

Если бы он не лишил ее возможности дышать, услышал бы, как пленница сладко застонала от удовольствия, когда его прикосновения вновь разбудили кроющуюся в глубине натуры чувственность и желание потекло по венам. Целительница выгнулась навстречу, прижалась к его груди, ощущая сквозь тонкую ткань сорочки напрягшиеся мускулы и быстрое биение сердца. Она запустила пальцы в белоснежные волосы, крепко сжала, чтобы продлить эти ощущения, насладиться ими в полной мере.

Все стало не важно, позабылась причина происходящего, вылетели из головы мысли о кровной связке. Пальцы прошли сквозь густые пряди, чтобы спуститься на широкие плечи, погладить спину и, скользнув между их телами, развязать пояс халата. Ей хотелось ощутить тепло его кожи, прикоснуться к ней, почувствовать ее жар. Бэла спустила плотную ткань с его плеч, и Зор не сопротивлялся. Он не мог оторваться от целительницы и вряд ли следил за ее действиями, она и сама не отдавала себе отчета в том, что делает.

Халат был отброшен в сторону, девушка наконец ощутила его гладкие мускулы под своими пальцами и от удовольствия едва не замурлыкала подобно довольной кошке. Не было ни капельки боязно или стыдно, когда Зор стянул через голову ее ночную рубашку и отправил

следом за халатом.

Тишину, нарушаемую прерывистым бурным дыханием, наполнил тихий стон, когда Зор прижал Бэлу к кровати. Ей нравилось ощущать тяжесть его тела, чувствовать губы, которые покрывали обнаженную кожу поцелуями, нравилось, что их тела соприкасаются.

А Зор окунулся в ураган страстей, потерялся в водовороте чувств, которых не испытывал никогда прежде. Главным стало то, что он ласкал ее, а она открывалась, отдавалась этим ласкам с искушающей жадностью. Ноги целительницы обхватили его бедра, грудь открылась для поцелуев, тонкие руки обвились вокруг шеи.

Он больше не видел черты, за которой должна была последовать остановка. Пальцы переплелись с ее пальцами, вытянули вверх тонкие руки, открыли ее тело, отдали во власть его губ. Каждое прикосновение приносило такое сладкое, такое приятное удовлетворение, так утоляло его жажду, что Зор продлевал эти ощущения, не спешил, наслаждался каждым поцелуем, вдыхал аромат ее кожи, слушал тихие стоны, которые становились громче, спускался все ниже и ниже: шея, грудь, живот, бедра.

Бэла открылась самым нежным, самым откровенным ласкам, дрожа и выгибаясь под его руками и губами. Длинные ноги сжали его крепче, и Зор больше не медлил. Приподнявшись на руках, он вошел в нее, не спеша, сантиметр за сантиметром погружаясь в зовущую горячую глубину. Сердце колотилось все быстрее, требовательные губы снова накрыли ее мягкий чувственный рот, а тело вспомнило те самые нежные ритмичные движения, которые приносили ощущение эйфории.

И лишь когда толчки стали сильнее, когда он проник в нее до самого предела, Зор испугался, что сделал девушке больно. Он почувствовал: она не знала мужчин до него, но в столах Бэлы не было и намека на боль, только удовольствие, страсть и желание получить все-все, что он мог ей дать.

Двигаясь все быстрее и быстрее, Зор протяжно выдохнул и совершил последний рывок, чтобы вздрогнуть всем телом и упасть на целительницу, ощутить ее дрожь, услышать прерывистое дыхание. Руки обнимали тонкую талию, прижимали девушку ближе, еще ближе. А потом ощущения мгновенно изменились. Огонь сменила ноющая тоска, холод наполнил грудь, пальцы больше не чувствовали жара ее тела. Резко открыв глаза, чтобы взглянуть в лицо Бэлы, Зор увидел над головой темный потолок собственной спальни.

За стенами выл ветер, пробирался сквозь щели в окнах, шевелил занавески. Маг сел на кровати и опустил голову на руки – навеянные сны. Привязка переходит в иную фазу, теперь те чувства, которые вспыхивали только при прикосновениях к целительнице, трансформировались в невероятно реальные сновидения (а во сне Зор не мог себя контролировать). Больше всего в этом вопросе мага волновал один важный момент – а сможет ли он разрушить эту привязку, как планировал раньше?

При подобной тесной связи, если начать разрывать соединявшие их энергетические каналы, возникнет риск перекрыть и магические потоки. А поскольку именно Зор создатель привязки, то, порвав нити между ними, аристократ мог лишиться себя если не всей силы, то части магических способностей точно.

В груди по-прежнему бурлили чувства, привнесенные сном, вперемешку с тоской и холодом, возникшими после пробуждения. Эти ощущения являлись следствием того, что в реальности все осталось как прежде. Маг вдруг вспомнил, как во сне собирался отвести Бэлу в подвалы, чтобы с ее помощью создать лекарство и снять эту одержимость. Однако, проснувшись, он ясно осознал – это невозможно. Для него теперь и выхода нет, он должен

закончить главное дело, а потом... потом придется выбрать: рискнуть или предложить девушке иной вариант.

Выбравшись из кровати, как был в одних легких штанах, не надевая даже халата, он схватил стоящую у изголовья трость и направился в комнату целительницы. Бэла крепко спала, разметавшись на постели, точно как в недавнем сне. Разжав ладонь, в которой покоился маленький ключ, Зор склонился над тонкой щиколоткой, и осторожно, стараясь не коснуться нежной кожи, взялся за металлическое кольцо. Тихий щелчок потревожил тишину комнаты, а цепь, повинаясь движению эсканилора, взлетела и тихо опала тускло блестящими звеньями возле дальней стены. Резко отвернувшись, аристократ стремительно покинул спальню пленницы.

Проснувшись, Бэла сладко потянулась, перекатилась на живот и обняла подушку. Повернув голову, взглянула на синее небо за окном, залитое яркими солнечными лучами. В комнату долетало щебетание птиц, которые расселись на ветках растущего снаружи дерева и всюду радовались новому теплему дню.

Тонкие брови целительницы задумчиво изогнулись, а пара морщинок прорезала гладкий лоб – что же она видела сегодня во сне? Или правильнее будет спросить – что чувствовала? Кажется, сон был вполне обычным, какие-то фрагменты из времен учебы в Школе целителей, но сквозь них прорывались совершенно непередаваемые и о-о-очень приятные ощущения.

Даже сейчас, проснувшись, Бэла продолжала наслаждаться негой и расслабленностью, разлившимся по телу. Она выспалась, это точно, бессонницей целительница не страдала, но после сегодняшней ночи вставать долго не хотелось, а просыпаться было как-то по-особому хорошо. И настроение оказалось просто отличным.

Девушка снова прикрыла глаза, раскинула руки и подумала о своих подругах. Что бы они сказали, увидев ее здесь, в доме аристократа Анделино? Посмотрели бы, как она валяется в постели, когда солнце уже встало, и целыми днями только и делает, что ничего не делает. Некоторые ее знакомые все отдали бы за такую жизнь, их даже не смутила бы тонкая, но крепкая цепь.

Бэла вспомнила знакомых девушек, вышедших замуж очень рано. Они добровольно согласились принять предложение двух противных стариков только потому, что те были богаты и могли предложить им беззаботную и сытую жизнь. По сути они ведь отдали себя в рабство, добровольно закрылись в золотой клетке, чтобы больше не знать голода, не мерзнуть холодными ночами, не стирать до кровавых мозолей руки, выполняя бесчисленное количество самой грязной работы. Фу! Бэла поморщилась. Как должно быть противно, когда тебя целует трясущийся старик.

Мысли плавно перескочили на Зора. Сколько ему лет? Он ведь намного старше ее, но старым совершенно не выглядит, скорее, очень опытным, повидавшим жизнь во всех ее проявлениях. А о немощности даже говорить не стоит, если вспомнить, как крепко он ее держал, когда целовал. Девушка выдохнула и спрятала лицо в мягкой перине.

А ведь многие из ее школьных подруг мечтали о том, чтобы их судьба сложилась удачно, некоторые даже поговаривали о доле любовницы какого-нибудь не слишком зажиточного аристократа (у таких требований поменьше). И вообще об аристократах девчонки говорили много, но шепотом. Особо одержимые поклонницы голубой крови даже брошюрки распространяли между собой. Как-то и в руки Бэлы попала одна, в ней было написано про

традиции воспитания детей в аристократической семье. Целительница просмотрела ее из чистого интереса и поразила прочитанному.

Оказывается, в приверженных старым традициям семьях не принято было не только баловать детей, но и просто проявлять ласку. Вплоть до того, что разрешался лишь один поцелуй в день, и тот перед сном. Никаких веселых громких игр и шумных проделок с другими детьми.

Бэла даже пожалела бедных малышей, вспомнила, как сама любила, когда мама подхватывала ее маленькую на руки, целовала и щекотала, а вечерами читала им с братом добрые сказки, как крепко обнимала их и говорила, что очень любит. Как же можно лишиться ребенка всего этого?

Девчонки в школе рассказывали, что аристократы сдержанны по натуре и всегда невозмутимы просто потому, что ничего не чувствуют. Вот с этим утверждением целительница могла теперь поспорить. Зор чувствовал, еще как чувствовал, но из его самых ярких эмоций Бэле довелось ощутить на себе лишь ярость и досаду. Может, иные чувства ему и вовсе не доступны, раз в детстве никто не научил?

Глупости! Чего только в голову не придет. Если аристократы могут испытывать одни эмоции, значит, вполне способны и на другие.

Потянувшись еще разок, Бэла выбралась из кровати и подошла к окну. Выглянула в сад, полюбовалась изумрудной травой и цветами, раскрыла окно и, облокотившись на подоконник, вдохнула свежий воздух. Наверное, ночью был ветер, так как весь газон усыпало сорванными с деревьев листьями, а садовники еще не успели их смести.

Взглянув на белоснежные облака, девушка вздохнула и с легкой грустью продолжила вспоминать подруг и их байки об аристократах, а потом зарделась от смущения, когда на память пришла одна из них. Краснея и немного запинаясь, девчонки шепотом говорили о том, что в постели аристократы невероятно хороши, что это якобы единственный способ компенсировать их эмоциональную ущербность.

Целительница прижала ладони к загоревшимся щекам – подобную гипотезу она проверять не станет. Глупые выдумки любопытных к этой стороне жизни девиц. На самом деле, если уж связывать свою судьбу с мужчиной, то лучше с добрым и благородным виером, который любил бы ее по-настоящему, тогда и забота его станет проявляться во всем.

Полюбовавшись видом еще немного, Бэла отошла от окна, чтобы вызвать слугу, и уже хотела привычно переступить через цепь на полу, как вдруг заметила, что ее нога больше не скована браслетом. Целительница не поверила своим глазам, склонилась и провела ладонью по лодыжке – не мираж? Цепи не было на самом деле!

Кольцо в стене осталось на месте, а под ним свернулась на полу серебристая «змейка». Значит, Зор сам убрал цепь, пока девушка спала, но почему? Уверился, что она не будет прыгать из окна, или полагал, что пленница не предпримет попытки сбежать?

Бэла настолько растерялась от неожиданного открытия, что замерла посреди комнаты, обдумывая произошедшее и силясь разобраться в причинах. Она даже забыла про то, что хотела позвать слугу. Негромкий стук вырвал ее из раздумий, и, подняв голову, целительница удивленно взглянула на дверь.

– Войдите, – разрешила она, полагая, что может сейчас получить ответ на вопросы от того, кто пришел с визитом.

– Доброе утро. – В комнату вошел незнакомый прислужник, несший поднос с едой.

Девушка нахмурилась: этого человека она прежде не видела, Зор допускал в ее комнату

только одного слугу, пришедшего на смену старому. Более того, целительница так и не успела никого позвать. Девушка сделала шаг по направлению к лежащему на серебряной подставке шару вызова, а мужчина заметил ее маневр и быстро заговорил:

– Постойте. Я здесь не за тем, чтобы причинить вред. Я пришел от вашего брата.

Сердце Бэлы заколотилось быстрее.

– У нас с вами очень мало времени. Одевайтесь скорее. Я принес вот это, чтобы снять цепь. – Он достал из кармана странный предмет, в равной степени похожий и на небольшой ножик, и на отмычку.

– Цепи больше нет. – Девушка даже поболтала ногой в воздухе для большей наглядности.

– Превосходно! – Слуга искренне обрадовался. – Я боялся, что могут возникнуть проблемы. – Собирайтесь, Бэла.

Кто-то постучал в кабинет, и Зор нехотя поднял голову от бумаг. Он сосредоточенно изучал их уже несколько минут, пытаясь разобраться в изложенной информации, но мысли то и дело перескакивали на недавний сон и мешали сосредоточиться.

– Прошу, – негромко разрешил Анделино, и дверь в кабинет отворилась.

– Не помешаю? – Секретарь проследовал в комнату, держа в руках очередную стопку исписанных листков.

– Нет. Принесли отчеты?

– Здесь список членов комиссии, которая занимается организацией игр, и еще кое-какая информация, которую вы просили раздобыть.

– Благодарю. Положите на стол, я просмотрю и отдам необходимые распоряжения.

Секретарь поклонился, сложил грудку листков на край стола и тихо покинул кабинет.

Зор быстро изучил бумаги, сделал пометки на полях, а потом убрал их в ящик и запер на замок. Впереди ждала еще масса дел, которые предстояло решить прежде, чем он сможет вернуться домой.

Выйдя из-за стола, ректор направился к двери, но резкий удар сбил его с ног. Зор упал на колени: резь и боль внизу живота были настолько сильными, словно его ударили острым кинжалом.

Схватившись рукой за край столешницы, Зор с трудом поднялся на ноги и попытался выровнять дыхание, чтобы прояснить затуманенное болью сознание. Это точно были не его ощущения, и сейчас они медленно слабели.

Укутавшись в плащ, Бэла осторожно и быстро шла следом за прислужником вниз по черной лестнице.

– Нам нужно торопиться, – то и дело шептал он, сам при этом периодически замирал и напряженно прислушивался. Пару раз им приходилось прятаться за портьеру или за дверь близлежащей комнаты, чтобы пропустить слуг.

– Мы выйдем в ту часть сада, где вам позволено гулять, – тихим шепотом заговорил слуга. – У меня ключ от скрытой в стене калитки, а дальше нужно будет добраться до главных ворот. Идите строго за мной и делайте только то, что я говорю.

– Хорошо. – Бэла и не думала возражать, ведь этот человек показал ей послание брата, в которое Эдвар вложил свое кольцо, подаренное ему матерью.

Пленница и ее освободитель шли вперед, пригибаясь к земле, обходя дорожки, на которых уже вовсю трудились садовники, пробираясь сквозь густые безопасные заросли.

Какой же огромный сад оказался у Зора! Но Бэлу это только удручало. Ей хотелось как можно скорее достичь ворот.

Когда впереди показались железные створки, сердце девушки готово было вырваться из груди. По ту сторону она увидела брата, он стоял и отвлекал привратника каким-то разговором. До слуха долетели слова недовольного слуги:

– Уходите отсюда, хозяин не велел впускать никого постороннего. Если желаете оставить записку, бросьте ее в тот ящик на стене.

Прислужник дал знак остановиться, а потом очень тихо подкрался к привратнику со спины и, пока тот не успел опомниться, быстрым нажатием пальцев где-то в области шеи отправил его в бессознательное состояние. Обернувшись, помощник быстро замахал руками, а когда девушка побежала к нему, наклонился и отцепил от пояса привратника ключи.

Всего несколько поворотов в замке – и металлическая калитка слабо заскрипела открываясь, а прислужник моментально выскочил наружу. Девушка встретилась глазами с братом и не смогла сдержать свое нетерпение, она рванулась к железным прутьям и проскользнула в открытую дверцу. Едва Эдвар подхватил сестру и сжал в объятиях, она закричала.

– Бэла, – Эди побледнел, глядя на извивающуюся в его руках девушку, ее лицо искажилось от боли до неузнаваемости, – Бэла!

Прислужник подскочил к Эдвару, силясь понять, что происходит. Как только он переступил границу ворот, позабыл обо всем, что произошло в доме, однако хорошо помнил собственную задачу и быстро догадался, кто эта девушка.

Целительница уже не могла кричать, лишь сжимала руками живот, лицо побледнело, как лист бумаги. Эдвар пришел в себя, подхватил сестру на руки и на глазах у пораженного помощника шагнул в ворота. Едва он переступил порог, вокруг взметнулся настоящий смерч. Эди успел разжать руки за секунду до того, как его вышвырнуло обратно и сильно приложило головой о землю.

Замерев на месте, прислужник переводил взгляд с потерявшего сознание нанимателя на девушку. Еще минуту назад на ее губах показалась пена, она билась в конвульсиях, а сейчас бледность постепенно покидала хорошенькое личико и дыхание приходило в норму. Сообразив, что Эдвар не просто так вернул сестру обратно, помощник схватил своего нанимателя за шиворот и потащил прочь, на другую сторону улицы, чтобы спрятать в подворотне. Вдалеке, на главной аллее, уже показались охрана и слуги, бегущие к воротам.

Глава 5

Помощь

Зор задумчиво разглядывал лежащую на кровати девушку. Бэла еще не пришла в себя, хотя внешне выглядела абсолютно нормально.

– Значит, попыталась сбежать, – негромко заговорил Анделино, – стоило только мне убрать цепь.

Сделав шаг вперед, ректор склонился над пленницей. Приблизив ладони к ее лицу, он прикрыл глаза и стал медленно перемещать руки вниз, почти касаясь кожи Бэлы. Он чувствовал биение крошечных импульсов, слышал циркуляцию энергий в хрупком теле. Его собственная энергия так тесно переплелась с ее, что это были уже не два различных по цвету потока, а один, представлявший собой голубую пульсирующую ленту, оплетенную красной.

Убрав ладони, Зор со вздохом открыл глаза.

– Я чувствую, что ты уже проснулась.

Густые ресницы дрогнули и медленно поднялись. Бархатистые карие глаза, темные, точно густой шоколадный напиток, взглянули прямо в его лицо.

– Теперь ты, должно быть, счастлив. Я даже не могу переступить порога этого дома, не могу уйти от тебя.

– Счастлив? – Брови ректора удивленно изогнулись. – Меня не слишком волнует этот момент. Когда снимал цепь, я знал, что пересечь ограду ты не сумеешь.

– И что бы случилось со мной там, за воротами?

– Впала бы в состояние, напоминающее затяжной сон, и никогда не проснулась бы.

– Разве такое возможно? – От показного равнодушия целительницы не осталось и следа. Больше всего ей хотелось вцепиться руками в горло Зора. Она видела брата сегодня, она его обнимала, она почти вернулась домой!

Зор в ответ протянул девушке ладонь:

– Хочешь почувствовать?

Если бы целительница не была так зла, она точно не коснулась бы его руки, но в душе нарастало отчаяние, его нужно, необходимо было выплеснуть, и разобраться во всем тоже очень и очень хотелось.

Резко схватив ладонь мага, девушка сжала ее так сильно, что ногти впились в его кожу, оставив на ней красные следы. Она ждала вспышки ослепительной страсти, желания ощутить его поцелуй, а вместо этого свет померк перед глазами, мир подернулся темной пеленой, сквозь которую она неясно ощутила его прикосновения и то, как Зор поднял ее с кровати и обнял одной рукой за талию, не отнимая своей ладони.

Девушка ничего не видела, наконец она глубоко вздохнула и взор прояснился. Лишь на секунду Бэла испугалась, когда поняла, что смотрит вокруг глазами мага. Она чувствовала его тело, его дыхание и даже биение его сердца – как своего собственного.

Кончики пальцев заполняло покалывающее тепло, оно медленно затапливало каждую клеточку и распространялось повсюду, пока не достигло головы. Бэла чувствовала, как тяжело ей стало дышать от странного и немного пугающего ощущения. Влечение не напоминало вспышку, оно казалось тягучим и вязким, точно золотистый густой мед, не было сил выпутаться из его надежного плена. Борьба с собой не помогла, она увязла в наваждении

еще глубже, но стоило отпустить чувства и перестать сопротивляться, как ощущения поменялись.

Еще никогда Бэла не испытывала столь совершенной гармонии, наполненности и абсолютной законченности. Это напомнило позабытую детскую игру, в которой для одного из кусочков головоломки нужно найти его пару. Здесь и сейчас Бэла ощутила себя идеальным человеком, доведенным до безупречности созданием Творца.

И поцелуя хотелось, да, очень хотелось, но не из-за неконтролируемой жадной страсти. Его хотелось как глубокого таинства, возможности приобщиться к чистому счастью, наполниться совершенством и светом до краев. Страсть была ущербной, однобокой, а это ощущение казалось настоящим, всеобъемлющим и было намного-намного лучше отбирающего разум влечения.

Девушка приподнялась на цыпочки, потянулась вверх, чувствуя, что ее тело источает светлое тепло, согревающее все вокруг. Она положила ладони на плечи Зора, опустила ресницы, скрывая блеск карих глаз и ожидая завершающего, последнего штриха. Его дыхание пробегало легким дуновением по ее ждущим губам, а рука сжимала тонкую талию.

Маг коснулся кончиками пальцев щеки Бэлы, провел черту вдоль скулы, рассматривая нежный изгиб ее губ и то, как маняще они приоткрылись. Полные, мягкие, зовущие прикоснуться к ним. Хотелось ли ему хоть чего-то в этой жизни так сильно? Разве только одного – воплотить в реальность грандиозную мечту и... последнего он желал сильнее.

Он не наклонился к ней, а подался назад, выпуская целительницу из рук, разрывая телесный контакт, возвращая ей возможность чувствовать только за себя. Разочарование промелькнуло в широко распахнувшихся глазах, и девушка с трудом подавила горький вздох.

Зор продолжал смотреть на нее и видел, как постепенно менялось выражение глаз и лица, как целительница прижала ладони к щекам, а потом и вовсе отвернулась, закусив нижнюю губу.

– А боль? – Она выдохнула тихо, а маг едва заметно вздрогнул, с трудом оторвался от созерцания ее длинных волос, стекавших по спине рыжим огнем. – Почему было так больно?

– Создавая кровную связку, я использовал принцип построения, основанный на родовой магии. Так проще, меньше энергетических затрат. Это не имело бы никакого значения, если бы не наша странная совместимость.

– И что это все означает?

– Ты привязана к этому месту физически. Это не просто дом, это родовое гнездо, все здесь пронизано защитными силовыми линиями, эти сложные переплетения повсюду. Твоя энергия слилась с моей, но я черпал силы из защиты. Родовая магия признала тебя своей частью, сделав заложницей дома.

– Как... как частью дома? Как камень или... или что-то еще?

– Как силовой поток. Они вокруг нас, ты просто не видишь.

– Что это означает?

– Означает, что границы дома тебе не пересечь. Только ты переходишь черту, как защита мгновенно реагирует, пытаясь вернуть одну из своих составляющих обратно.

– О-о-о. – Девушка застонала, положила ладони на холодное оконное стекло и закрыла глаза.

В душе мага возникло странное желание подойти, привлечь ее за хрупкие плечи к себе, крепко обнять и не отпускать, пока не разгладится тревожная складка, пролеглая между тонких бровей. Зор опустил взгляд на свои ладони, которые зудели от этой непонятной,

совершенно нелепой потребности.

– Ты можешь теперь, – он с трудом заставил себя продолжить тем же невозмутимым тоном, только легкая хрипотца выдавала усилия, – выходить из комнаты и свободно перемещаться по дому.

– Неужели? – Девушка со злостью оттолкнулась от стекла, развернулась подобно злой фурии, и глаза ее засверкали от гнева. Неожиданно она схватила со столика фарфоровую статуэтку и со всей силы запустила в мага. Зор не успел увернуться, тяжелая вещица пролетела рядом с его головой, задела краем и рассекла кожу на лбу. Пошатнувшись, Анделино поднес руку к ране, из которой тонкой струйкой потекла кровь.

Бэла испугалась на секунду. Первым порывом целительницы было подбежать и осмотреть рану, а потом залечить, но маг уже выпрямился, убрал руку и, не сказав больше ни слова, покинул комнату девушки.

Всю эту ночь Зор не сомкнул глаз. Его вновь мучила чужая тоска. Свидание с братом сказалося на состоянии целительницы серьезнее, чем представлялось. Из-за подступавших к горлу эмоций и его собственной головной боли было тошно, стало трудно дышать, более того, о сне и мечтать не стоило.

Чужие чувства давили тем сильнее, чем больше маг не желал испытывать их. Он не хотел вспоминать ни того, на что похожа семейная привязанность, ни любви к близким людям. В свое время он смог пережить потерю и не желал повторять все вновь. Девушку он вернуть не в силах, возможно, позже найдет способ, но пока они отыщут решение, ее ощущения вымотают всю душу.

Спустившись в библиотеку, Зор долго искал один старый и очень редкий рецепт. Потом направился напрямик в подвалы, в свою домашнюю лабораторию. Она была создана им лично, все – от приборов до ингредиентов – подобрано и расставлено в привычном порядке, здесь имелось необходимое практически на все случаи жизни. Вот и сейчас Анделино отыскал то, что нужно.

Сначала маг полночи расписывал на листах сложную схему, провел множество расчетов и вывел конечную формулу. Потом стал смешивать ингредиенты и работал, пока не получил требуемое зелье. Новый уникальный эликсир забвения, рассчитанный только на одного человека, подобранный персонально для Бэлы, такой, чтобы не причинить вреда, но облегчить жизнь им обоим.

Подобные зелья использовались редко, ведь они забирали у человека память, но это отличалось от прочих. Всего одна капля в день, добавленная в напиток или еду, и Бэла перестанет мучиться тоской о родных – она просто забудет, что есть брат и мать, которые ищут ее. Целительница не утратит воспоминаний о прошлой жизни, но поверит, что там, за пределами этого дома, ее никто не ждет. Действие зелья ограничено, поэтому, когда придет время, достаточно будет прекратить прием, и все вернется на круги своя.

После происшествия в спальне девушка не видела мага несколько дней. Он не приходил ни за подпиткой, ни за чем-то иным. Слуга все так же приносил ей еду, а еще у нее появилась компаньонка.

Бэла знала, что все знатные аристократки держат прислужниц, которые помогают им ухаживать за собой и личными вещами и заодно развлекают, но сама терялась от присутствия незнакомой женщины. Та постоянно спрашивала, чего целительница желает. Приносила

разнообразные вышивки, книги, даже цветы, чтобы показать Бэле, как составлять из них красивые букеты.

Подобные развлечения девушке мало подходили. Читать она любила, но книги, принесенные компаньонкой, не вызывали интереса, гораздо больше привлекали доставленные по приказу Зора старые целительские талмуды. Однако в них было много непонятного, а нанятая помощница не могла ничего пояснить. Женщина обожала пересказывать светские сплетни, а любимым журналом старой дамы являлся «Модный вестник».

Порой Бэла попросту сбегала от своей собеседницы в сад и пряталась в каком-нибудь укромном уголке, подальше от глаз словоохотливой дамы. Еще она обнаружила крытую оранжерею, в которой нашлось немало лекарственных растений. Некоторые были очень редкими, такие девушка видела лишь на картинках учебников в Школе целителей. Она даже помнила некоторые рецепты, в которых их можно было использовать.

На протяжении нескольких дней, которые Бэла не встречалась с Зором, в душе постепенно нарастало смутное беспокойство. Она не могла понять, из-за чего волнуется, что вызывает странное тоскливое чувство, а в один из вечеров, уже лежа в постели, девушка осознала, что ей нужно увидеть аристократа.

– Тебе больно, когда я прикасаюсь? – Бэла спрашивала негромко, осторожно ощупывая воспалившуюся вокруг пореза кожу.

Зор утомленно открыл глаза, глядя на склонившуюся над его постелью целительницу. В комнате было темно, но он, казалось, мог различить тревогу в ее взгляде. Аристократу не хотелось ни двигаться, ни разговаривать. У него не осталось на это сил.

Сегодня он работал практически до полной потери сознания, сначала выполнял очередное задание короля (несмотря на праздники и выходные в академии), а вернувшись, сразу спустился в подвалы.

Уже несколько дней он не посещал комнату Бэлы. От слуги узнал, что девушка потихоньку изучает поместье, а в оставшееся время гуляет по саду. Ей была предоставлена свобода ходить повсюду, чем целительница не преминула воспользоваться. Сегодня все утро она провела в оранжерее, где у Зора росли редкие растения, включая и лекарственные.

Перехватив тонкое запястье, ректор отвел руку девушки от своего лица.

– Нужно было залечить, – сказала она, присаживаясь на край кровати.

Анделино никак не мог понять, что это – очередной сон или похожая на него реальность. Бэла с таким уверенным видом осматривалась по сторонам, будто это была не его, а ее спальня.

– Зачем ты пришла?

Пришлось приложить немалые усилия, чтобы привстать и облокотиться на подушки.

– Меня беспокоит твоя рана.

Она сказала об этом как о чем-то само собой разумеющемся. Маг задумался, чувствует ли целительница боль? По логике, не должна, поскольку обряд проведен им лично, и худшая сторона его последствий тоже легла на его плечи.

– Ее нужно залечить. Не думала, что ты все так и оставишь.

Анделино устало потер глаза ладонями и снова посмотрел на целительницу. Девушка никуда не исчезла и все так же сидела на краю постели. Это было выше его понимания. Сначала бросить в него статуэтку, а потом прийти, чтобы вылечить. Не забыть про увечье,

предоставив Зору самому со всем разбираться (а он попросту махнул на это рукой, не желая вызывать целителя и объяснять тому происхождение раны), а явиться в спальню и спрашивать о его самочувствии.

– Она затянется сама, – спокойно вымолвил Анделино, раздумывая над тем, как девушка решилась на подобный поступок.

– Останется шрам. Я ведь целитель и знаю, о чем говорю. В школе первые основы, которые нам преподавали, это законы целительской этики. Мы не должны бросать без помощи тех людей, которые в ней нуждаются.

– Я не нуждаюсь в помощи.

Девушка недоверчиво хмыкнула и снова протянула к нему руку. Зор не стал уворачиваться, слегка прикрыл глаза и почувствовал, как тепло ее ладони потихоньку разгоняет жгуций под кожей огонь. Рана воспалилась и ныла второй день. Пряди волос скрывали ее от посторонних глаз, но покраснение распространялось все дальше.

Бэла между тем склонилась ниже, и тугая коса упала ему на грудь. Зор вздрогнул, а девушка положила на его лоб уже обе ладони.

– Мне не дает покоя странное чувство. Оно гложет меня. Если я тебя вылечу, возможно, оно исчезнет.

– Нет, – негромко ответил маг, чувствуя, как постепенно уходит боль, противный нарыв рассасывается, а опухоль спадает, – твое чувство называется зависимостью.

– Опять дурацкая привязка?

– Она проявляет себя во всем.

Девушка отстранилась. Голова у Зора больше не болела. Целительница скрестила руки на груди, и не думая подниматься и возвращаться в свою комнату.

– Как на этот раз?

Бэла уже не спрашивала, она требовала объяснений, и Зор усмехнулся против собственной воли. Кажется, целительница совершенно освоилась и решила, что ей больше никто не причинит вреда. В чем-то она была права.

– Ты нуждаешься в моем обществе, в том, чтобы встречаться и разговаривать хотя бы раз в день.

– Нет!

– Зачем отрицать очевидное, если ты сейчас здесь?

Девушка резко поднялась.

– Нет! Вот увидишь, я превосходно обхожусь без тебя, даже привязка не вынудит меня быть зависимой от того, кто насильно притащил меня в этот дом!

Теперь она по-настоящему разозлилась, но, к счастью, довольствовалась тем, чтобы просто топнуть ногой, а не хватать любые попавшиеся под руку предметы.

Не получив от мага ни ответа, ни опровержения, Бэла повернулась и решительно покинула спальню.

До Зора долетел громкий стук двери, он снова лег и уставил глаза в потолок. Глупо отрицать очевидное, от этого ничего не изменится. Впрочем, молодости свойственно не соглашаться и идти наперекор всему. Со временем примет это как данность.

Вот уже несколько дней ректор Академии виеров не мог привести в чувство одного из лучших сотрудников. Преподаватель по боевой магии либо отсиживался у себя в кабинете и отказывался посещать занятия, либо навещал соседнюю пивную. Дав Эди достаточно

времени, чтобы погоревать, Амир решил действовать.

– Эдвар, открой! – Ректор решительно стукнул кулаком в запертую дверь, но ответом была тишина. Со вздохом сожаления Амиральд отступил на шаг, сложил ладони лодочкой и прикрыл глаза. Толстая дубовая дверь пошла огненными трещинами, а потом осыпалась пеплом, устлавшим пол коридора и частично преподавательского кабинета.

Ступив в открывшийся проем, Сенсарро скрестил руки на груди и прислонился плечом к дверной притолоке. Тишину, царящую в комнате, нарушал только громкий храп будущего заведующего учебным процессом. Ректор не сомневался в том, что следует отдать вакантную должность Эдвару, в превосходных преподавательских способностях которого успел убедиться, проблема заключалась в другом – хандра виера приобретала затяжной характер.

Приблизившись к окутанному винными парами другу, Амир склонился ниже и рявкнул, усилив голос магическим заклинанием:

– Встать!

Еще никто и никогда не приводил Эди в чувство так быстро. У подскочившего на диване преподавателя не только последний хмель из головы выскочил, но и дрожь прошла по телу, а мозг стал кристально чистым.

– Амир, – побледневший Эдвар прижал руку к сердцу, пытаясь понять, на месте ли оно или уже перекочевало в иную часть тела, – ты какого хрымза^[6] так пугаешь!

Амиральд невозмутимо прошествовал к письменному столу и уперся ладонями в столешницу, окинув взглядом разложенные на поверхности схемы и планы.

– Нельзя было сразу прийти ко мне? За каким проклятием ты впал в тоску, Эдвар, когда еще ничего не потеряно? Ты дома когда был в последний раз?

– Заходил к матери пару дней назад... Мне стыдно смотреть ей в глаза, Амир, я ничего не могу сделать.

– Так ли ничего?

– Ничего! – Эди подскочил на ноги и возбужденно заходил по комнате. – Он привязал ее к дому, он привязал ее к себе. Я этого мерзавца даже придушить не могу, а Бэла не в состоянии выйти за пределы поместья! Все люди, которые работали на меня и помогали выволить сестру, предпочли замести следы. Даже фирму свою прикрыли, перенесли в какую-то другую контору, чья репутация не пострадала. Одна кухарка еще посылает мне весточки.

– Я повторю свой вопрос: почему ты не пришел ко мне?

– Я уже по уши в долгу перед тобой за оказанную помощь, Амир, но что ты можешь сделать в этой ситуации?

– Эди, я дал слово тебе и твоей матери вернуть Бэлу домой, а я никогда не отказывался от своих обещаний.

– Да ты понимаешь, что такое кровная привязка?!

– Представь себе.

– И что, что ты можешь сделать?

Ректор Сенсарро молча потянул за тонкую цепочку и достал из нагрудного кармана мутный кристалл размером не больше мизинца. Похожий на осколок горного хрусталя и с виду совершенно неинтересный минерал блеснул в лучах заглянувшего в окно солнца.

Эди осмотрел вещицу без малейшего энтузиазма, силясь понять, какой от нее может быть прок.

– И? – наконец, спросил он, даже не ожидая услышать что-то интересное.

– Это криспп, – невозмутимо ответил Амиральд.

Брови Эдвара медленно поползли на лоб, а дыхание сбилось. Преподаватель сделал шаг, споткнулся и чуть не упал прямо под ноги ректору. С трудом сохранив равновесие, он приблизился к Сенсарро и протянул дрогнувшую руку.

Холодный кусочек лег в его ладонь, неровные острые грани врезались в кожу, когда Эди со всей силы сжал кулак.

– Это не шутка?

– Нет. – Вид Амира говорил о том, что ректор серьезен как никогда.

– Кристалл преломления пространства? – Эди все еще не мог поверить в то, что услышал.

– Именно.

– Как... где... невозможно!

– Возможно, Эди.

– Откуда он у тебя?

– Эта вещь... скажем так, не совсем моя, ее хозяином является другой человек.

– А она работает? Тебя не обманули?

– Работает.

Эдвар разжал ладонь и поднес кристалл к глазам.

– Поверить не могу.

– Знаешь, что самое главное, Эди?

– Что? – Виер все еще любовался крисппом и с трудом расслышал слова Амира.

– Эта легендарная безделушка способна преломлять любое пространство, и ей не страшна даже самая совершенная защита.

Да что не так с этой девчонкой?! Несмотря на железное самообладание, Зор никак не мог справиться с закипающей в душе злостью. Ему требовалась предельная концентрация при подборе ингредиентов, а эмоции целительницы снова путали все планы. Со стуком поставив колбу на стол, ректор стремительно направился к лестнице. Сегодняшние опыты пришлось отложить.

... – Вы выяснили причину?

Компаньонка Бэлы стояла перед невозмутимым господином, краснела, бледнела и пыталась оправдаться:

– Девочка просто грустит...

– Я спрашиваю причину.

Зелье забвения уже действовало на целительницу, и тоска о родных не должна была ее беспокоить. Однако грусть пленницы не проходила, а пускала все более глубокие корни и в душе Зора прорастала колючими терниями одиночества.

– Я думаю, что ей тоскливо одной.

– Одной? У нее есть вы и масса слуг, готовых исполнить любые ее пожелания.

– Она обмолвилась как-то, что грустно, когда нет никого, кто бы беспокоился о ней или вспоминал. И она никому в целом мире не нужна.

Ректор едва сдержал желание обхватить голову руками и тяжело застонать. Мерзд! Не одно так другое.

– Я повторю свой вопрос, на что ей вы, если не можете развлечь?

– Но она... ей ничего не интересно, я пыталась...

- Вы уволены.
- Уволена, господин?
- Именно. Отправляйтесь собирать вещи.

Матушка Надиш воровато поглядывала по сторонам, пока поднималась следом за важным и степенным слугой по ступенькам самого шикарного особняка из всех, в каких ей только довелось побывать. Все здесь дышало благородной стариной и утонченностью. Ни одна деталь не выбивалась из общей гармонии и согласованности, все безукоризненно подходило друг к другу, не улавливалось даже намек на крикливость или попытку впечатлить, поразить, пустить пыль в глаза. Достоинство и гордость за себя и всех тех, кто когда-то населял этот огромный, казавшийся на удивление пустынным и холодным дом, пропитали воздух.

Когда пожилая женщина переступила порог большого кабинета, ее взгляд невольно приковала внушительная фигура человека, восседавшего в роскошном кресле возле письменного стола. Женщина увидела того, кто являлся средоточием атмосферы этого дома, его центром и источником жизни. От беловолосого мужчины исходило ощущение силы и непоколебимой уверенности в себе.

Матушке вдруг захотелось поклониться, хотя уж перед кем-кем, а перед аристократами она никогда негнула спину. Однако ее собеседник поражал с первого взгляда, вызывая странное чувство, отдаленно похожее на благоговение. Возможно, благодаря особенной манере держаться, словно важнее его и его повелений ничего не могло быть, а неповиновение его приказам даже не предусматривалось.

– Входите. – Маг качнул зажатой в руке тростью, позволив женщине приблизиться. Неловко переступив с ноги на ногу, Надиш сделала несколько шагов вперед и снова замерла.

– Мне дали неплохие рекомендации относительно качества ваших услуг, по этой причине вас сюда и пригласили.

Матушка все же склонила голову, хотя и старалась удержаться от этого, на ее взгляд, рабского жеста.

– Вашей подопечной станет молодая девушка, она живет здесь, в поместье. Главная задача – развлекать ее, чтобы не тосковала. Потакайте всем ее капризам, давайте, что захочет. Справляйтесь, как вздумается, просите, что потребуется, вам все предоставят.

На мгновение Надиш растерялась. Сидящий перед ней маг не производил впечатления безумно влюбленного человека. При упоминании о девушке даже мускул не дрогнул на его лице, в глазах не блеснуло затаенного, тщательно скрываемого чувства. Однако он велел ей всеми силами развлекать будущую подопечную. Но для чего заботиться о ком-то, к кому не испытываешь и тени эмоций?

– Да, господин. Я поняла свою задачу.

Маг кивнул и взмахнул рукой, отсылая матушку прочь из комнаты.

Как странно. Надиш поднималась на верхний этаж, следуя за давешним слугой, который нес ее небольшой саквояж. Ей уже доводилось работать компаньонкой, но чтобы были подобные условия... с таким матушка сталкивалась впервые. С одной стороны, работа непыльная – всего лишь развлекать какую-то девчонку, а с другой – если не справится, ее вышвырнут на улицу, в этом даже сомнений не возникало. А терять такую хорошую должность матушка Надиш совершенно не хотела.

– Вот твоя комната, – слуга распахнул дверь, и женщина удовлетворенно цокнула

языком. Шикарно!

Приодевшись и уложив поседевшие волосы в самую скромную прическу, Надиш оглядела себя в зеркале и осталась довольна. Не зря ее звали матушкой, именно так окружающие и воспринимали безобидную с виду невысокую пожилую леди, всегда опрятную и лучащуюся добротой. Под вполне заурядной, но милой внешностью крылся острый, расчетливый ум, способный найти личную выгоду абсолютно во всем.

Надиш даже вздохнула немного – именно по этой причине бывшая хозяйка и прогнала ее из любимой конторы. А матушке очень нравилось работать в брачном агентстве. У нее был дар подбирать пары, она чувствовала, когда люди хорошо подходили друг другу. Благодаря сводне немало одиноких сердец обрели свои вторые половинки. А вот дальнейшие отношения – это уже их проблемы, совершенно не касающиеся Надиш. Разве она виновата в ссорах влюбленных, что можно поделаться, если совместимые люди, воссоединившись, начинают вдруг дико ревновать и устраивать грандиозные скандалы? И уж тем более она не была согласна с хозяйкой, которая полагала, что подбирать пары следует, руководствуясь внешними условиями, а не внутренней совместимостью.

Расправив белоснежный передник, Надиш вышла из комнаты, прошла по коридору в указанном направлении и постучала. Тихий мелодичный голосок пригласил ее войти. Повернув ручку, матушка с улыбкой заглянула в комнату и на секунду замерла на пороге.

«Да она красавица!» – была первая мысль. Даже печать тихой грусти на милом личике нисколько не скрадывала его прелести. Через мгновение подал голос и внутренний дар матушки. Надиш снова окинула девушку взглядом и улыбнулась – теперь уже искренне. Мотивы мага становились ясны – подобной идеальной совместимости двух людей сводне не доводилось встречать за всю ее долгую жизнь.

– Здравствуй, милая. – Надиш поймала робкую ответную улыбку целительницы и преисполнилась спокойной уверенности в том, что с задачей она справится. Она умела вызывать симпатию, да и цель теперь была ясна. Что может развлечь молоденькую девушку лучше, чем настоящая искренняя любовь, прочно овладевшая пылким сердцем?

Глава 6

Сводня

– Милая, но ты даже не взглянула.

– Меня устраивает мой наряд.

– Ты день за днем ходишь в старом синем платье, посмотри, как ткань поистрепалась.

Откуда оно у тебя?

– Это платье служанки, смена моего целительского наряда, который уничтожил Зор.

Пленнице не полагается надевать что-то более изысканное. Так что унесите, Надиш.

– Но разве тебе не нужно платье на смену?

– Я не буду надевать то, что купил мне он!

– Ты о господине Анделино? Это вовсе не он покупал. Я сама выбирала.

– Не он?

Бэла заколебалась на секунду, а потом снова упрямо отвернулась к окну. Надиш поняла, что пора изменить тактику. Если она желает сближения этих двоих, то действовать придется более тонко. Целительницу следовало приодеть, это очевидно. Подчеркнуть ее красоту, но не вызываясь, лучше сделать это как можно незаметнее. При ярко выраженной чувственности девушки броские наряды будут выглядеть вульгарно, а вот элегантные платья, обрисовывающие чудесную фигурку, окажутся кстати.

– Как хочешь, – притворно вздохнула сводня. – Я... подарю платье кому-нибудь. Жаль, что у меня нет дочери. Всегда мечтала о ней, о том, как буду наряжать мою красавицу, пришивать к платьям кружева под цвет ее глазок, расчесывать длинные волосы и укладывать в красивую прическу. Но не судьба. Роптать не следует, нужно довольствоваться тем, что имею. Извини, я так некстати принесла этот наряд сюда.

Надиш горько вздохнула, украдкой отерла глаза платочком и поймала взгляд Бэлы. Девушка с жалостью смотрела на сторбившуюся женщину.

– Не стоит, не стоит так огорчаться. Не нужно было тратить столько сил на платье. Зачем вы украшали его, пришивали к нему кружева?

– Хотела подобрать нужный оттенок. А то сердце кровью обливается, когда такая красавица, как ты, ходит в обносках. Думала, порадую тебя, а оно вон как вышло.

Сводня отвернулась и поплелась к двери, опустив голову.

– Пойдите, матушка Надиш. Я могу примерить.

– Ах, я, право же, не знаю, господин Анделино. Все пыталась понять, отчего малышка грустит, но так сложно докопаться до сути. Заметила, что ей очень интересны старые книги, которые лежат у нее на столике. Она каждый раз разочарованно вздыхает, глядя на них, огорчается, но при этом не желает, чтобы я их унесла.

Ректор задумчиво поднял голову, прислушиваясь к словам новой компаньонки.

Девчонка не может разобраться в том, что написано в старых фолиантах? Он не подумал об этом.

– Считаю, ее развлекло бы чтение этих книг, но помочь я не в силах, сама не могу понять, что там написано.

Зор качнул тростью и, помолчав секунду, ответил:

– Я зайду вечером. Если ей интересны книги, она сможет задать все вопросы мне.

– Ты просто очаровательна, дорогая!

Бэла кружилась перед зеркалом, рассматривая новое платье и новую прическу. Приятная на ощупь зеленая ткань плотно обхватывала грудь и тонкую талию, а дальше юбка расширялась, лишь слегка обрисовывая бедра. Кружева, которыми матушка Надиш отделала лиф и подол, имели более темный оттенок и по краю были оторочены коричневой шелковой лентой. Девушка попыталась немного поправить лиф, неожиданно засмутившись неглубокого выреза, однако платье сидело как влитое, и на желание пленницы выглядеть скромнее не реагировало.

Бэла склонилась ближе к зеркалу, рассматривая свое лицо, оно, казалось, заиграло новыми красками. На щеках разгорелся румянец, глаза заблестели. Целительница снова повернулась спиной, оценивая прическу: волосы забраны вверх и спадают на плечи крупными локонами. Медово-рыжие пряди подчеркивают белизну тонкой шеи. В целом новая прическа придавала облику девушки какую-то трогательную хрупкость.

Негромкий стук раздался неожиданно. Бросив на дверь удивленный взгляд, Бэла пригласила визитера войти.

Зор неспешно прошествовал в комнату, но не направился, как обычно, к креслу, а остановился возле стола, на котором лежали старые книги.

Матушка Надиш исподтишка поглядывала на мужчину, наметанным глазом подмечая малейшие изменения в его мимике. Да, он хорошо владел собой, можно сказать идеально, маг почти ничем не выдал эмоций, однако его взгляд, невозмутимый, безразличный, на секунду, но все же скользнул по изящной фигурке целительницы и на долю мгновения задержался на смущенном, покрасневшем личике. Сводня спрятала довольную улыбку – господин не остался равнодушным.

– Добрый вечер, – промолвил ректор. Бэла растерянно кивнула и взглянула на Надиш, которая едва заметно пожала плечами, сообщая, что совершенно не в курсе, какова цель этого визита.

– Эти книги лежат у тебя долгое время, если нет желания изучать, стоит вернуть их обратно.

Бэла недовольно поджала губы и подошла ближе к небрежно листающему древний фолиант магу.

– Можешь забрать, если хочешь. Они очень старые и написаны непонятно. В перечне указаны основные целительские принципы, но на деле внутри очень много схем и неизвестных терминов.

– Если понять суть изложенных формул, все становится элементарным.

Девушка вспыхнула, но упрямо вздернула подбородок, подошла ближе и положила ладонь на страницу, не позволив Зору перелистнуть ее и перейти к новому разделу.

– Вот то, о чем я говорила. Раздел озаглавлен как «Принципы самоизлечения».

Целительница склонила голову, проводя пальцем по заглавным буквам, а Надиш поймала еще один взгляд Зора, скользнувший по блестящим рыжим волосам и задержавшийся на упавшем на нежную шейку локоне. Пальцы мага едва заметно дрогнули, будто он хотел отвести волосы в сторону, но Зор тут же перевел взгляд обратно в книгу. А Бэла тем временем продолжала отстаивать свою точку зрения:

– Нет такого термина, как «самоизлечение». Даже я, целитель, не могу излечиться

самостоятельно. При повреждениях невозможно направить энергетический поток внутрь себя, всегда нужна сила извне.

Матушка Надиш спрятала довольную улыбку, наблюдая за двумя людьми, увлеченно изучающими старые записи. Она отметила, как в одно мгновение аристократ преобразился. Его взгляд зажегся неподдельным интересом. Зор ответил Бэле спокойно, объясняя, но не поучая. Даже голос его в этот миг растерял высокомерность.

– Возьмем, к примеру, повреждения костной ткани. В таком случае формируется сбой в энергетических потоках. Взгляни на эту схему, если ты поймешь, что означают символы, то легко во всем разберешься. Когда энергия не может течь свободно, начинается застой, это и приносит боль. Зная принципы, достаточно наладить циркуляционный поток, заставить энергию протекать через поврежденное место, отрегулировать ее течение, и тогда кости сами займут привычное положение, а дальше пойдет процесс восстановления и заживления.

На этих словах Надиш выскользнула из комнаты, тихо притворила дверь и с удовлетворенной улыбкой направилась к себе.

Сводня была довольна собой, прошло не так много времени, а у мага появилась привычка заглядывать к Бэле каждый день, чтобы обсудить новые темы, касающиеся целительской магии. Судя по всему, это также был и его любимый раздел. Зор получал удовольствие, рассказывая о нем понятливой и любознательной целительнице. Надиш не присутствовала на этих своеобразных уроках, но девушка нередко затрагивала данную тему в разговорах.

– Он мне рассказал... – начинала Бэле, а заканчивала всегда одной и той же фразой: «Это просто невероятно, правда?»

Матушка Надиш кивала и улыбалась, стараясь не показать, как довольна тем, что глаза девушки загораются при упоминании Зора. Теперь он ассоциировался у Бэлы не только с ужасным похитителем, но и с человеком, который приоткрыл для нее совершенно удивительный тайный мир древней магии, который объяснял абсолютно невообразимые понятия, делая их доступными для простой ученицы целительской школы.

Впереди был второй шаг – пришла пора сделать так, чтобы хозяин перешагнул через свои предрассудки и пригласил девушку разделить с ним трапезу. Начать полагалось с ужина, ну а дальше... дальше будут совместные обеды, пикники, обсуждения разных увлекательных вещей, новые темы для разговоров, а напоследок то, что связывает двоих крепче всяких клятв в верности – общая тайна. Ведь у такого человека, как Зор Анделино, не может не быть тайн.

Матушка Надиш уже потирала руки в предвкушении. Для нее соединять страждущие и одинокие сердца всегда было самым увлекательным занятием. Сначала наблюдать, как разгорается привязанность, потом – как вспыхивает жаркая страсть и постепенно превращается в глубокое и сильное чувство.

Этим вечером Зор вновь ощущал усталость. Вернувшись домой, он в первую очередь прошел в ванную, но приказал слуге не наливать воды в овальный бассейн, а наполнить резервуар для душа. Магу хотелось освежиться, смыть с себя усталость, рожденную бесконечными заботами и хлопотами, прежде чем отправиться к целительнице. Девушка теперь делилась с ним энергией так легко, словно больше не испытывала мучений по этому поводу. То ли сказывалось ее общение с новой компаньонкой, то ли какую-то роль сыграли совместные занятия, но целительница воспрянула духом.

Сам Зор, на удивление, получал от вечерних совместных чтений странное удовлетворение. Он видел, с какой жадностью девушка поглощает новые знания, как стремится запомнить основы целительства и постичь самую суть. Ей мало было просто освоить принцип, она желала его досконально разобрать.

Как много схожего было в этой их обоюдной страсти – для Зора наука являлась отдушиной, но прежде не встречалось человека, который так полно разделял бы его пристрастие. Бэлу не пугали даже самые сложные и на первый взгляд совершенно безумные идеи, ей нравилось самой разбирать формулы и примеры, чтобы в итоге понять, насколько идея сумасбродна и имеет ли право на существование. Она была искренней, это Зор мог утверждать с полной уверенностью, поскольку чувствовал целительницу и ее настроение. Его самого в последние дни все реже посещала тоска, и он ощущал необычный душевный подъем.

Приняв душ и переодевшись, Анделино взял свой неизменный эсканилор и направился в комнату девушки. В этот раз Бэла оказалась одна. Обычно ей составляла компанию служанка Надиш, которая всегда удалялась после его прихода, однако сегодня компаньонки в комнате не было.

Бэла сидела на кровати с толстым томом на коленях. Это оказалась та самая книга, которая однажды натолкнула Зора на мысль о создании эликсира. Очевидно, Бэла взяла ее в библиотеке, когда искала что-то новое для вечерних занятий. Зор увлекался медициной, у него собралось много книг по этой теме, а целительница, словно по наитию, выбрала ту единственную, которую ей еще рано было показывать.

Девушка хмурилась, листая страницы, а когда маг вошел в спальню, подняла голову.

– Добрый вечер. – Анделино не стал подходить к столу, а расположился в своем кресле.

– Это самая странная из всех книг, – ответила целительница, пропустив его приветствие мимо ушей. – Неужели можно управлять тем, что дано человеку от рождения, разве можно дать то, чего никогда не было, и отобрать то, что было всегда?

– В жизни всякое возможно. Только узко мыслящие люди не способны видеть дальше очерченных границ.

– Я считаю это невозможным! – безапелляционно заявила целительница и со злостью захлопнула толстый том.

Маг слегка пожал плечами, и не думая спорить с девчонкой. Его лицо приняло привычное высокомерное выражение.

– Полагаешь, я тоже узко мыслю? – спросила его Бэла.

Анделино не ответил.

– Я только сегодня задумалась над тем, почему вам, аристократам, так важны все эти традиции. Ты являешься ректором самой старой академии королевства, при этом вражда между виерами и аристократами все длится и длится. В твоих силах повлиять на умы учеников, привнести что-то новое в устоявшиеся обычаи. Для чего тебе источник и вся твоя сила, если вокруг ничего не меняется? Почему не сделать шаг и не прекратить древнюю вражду?

Девчонка задавала неприятные вопросы, и Зор невольно поморщился.

– Изменение существующих устоев – это удел тех, кто молод, в ком горит кровь, кто жаждет подвигов. Традиции – это основа стабильности мира.

– Глупости! – Бэла соскочила с кровати, в волнении прошлась по комнате и замерла возле раскрытого окна.

– Сколько возможностей в твоих руках, а ты привык только потреблять. Берешь все для своего удовольствия! Это ужасно, ужасно и отвратительно!

– Я не спрашивал твоего мнения насчет своего образа жизни. Каждый человек привык потреблять, даже ты. – Он небрежным жестом указал на ее новое шелковое платье. – Это в природе людей.

Девушка запнулась, так и не договорив до конца. Опустила голову, оглядывая струящуюся легкую материю. Коснулась ее кончиками пальцев, задалась вопросом, откуда у матушки Надиш деньги на такую даже с виду дорогую ткань. Значит ли это, что все ее новые платья были оплачены Зором, а вовсе не сшиты сердобольной компаньонкой? Возможно ли, что маг теперь полагает, будто Бэла приняла подобный порядок вещей или, того хуже, откровенно наслаждается жизнью в его доме?

На щеках девушки появился румянец. В душе всколыхнулась злость вперемешку с острой досадой. Можно было бы прямо сейчас стянуть это платье и бросить его магу, но Бэла не решилась на столь дерзкий поступок. Однако дала себе слово впредь носить только те вещи, которые принадлежат лично ей, например, что-то сшитое собственными руками.

– Ты мерзок! Ужасный похититель, для которого люди – вещи! Тебе не понять настоящих ценностей, и счастья ты никогда не узнаешь, потому что по-настоящему ограниченный человек – ты сам!

Зор поднялся, а девушка сделала шаг назад и уперлась спиной в стену, однако маг не ответил на ее выпад. Глаза его блеснули, но в следующий миг он повернулся и покинул спальню.

Бэла сидела на постели в том старом синем платье, что получила взамен испорченного целительского наряда, и перебирала звенья тонкой цепи. Она здесь пленница, и не важно, что ее никто не ждет там, за пределами поместья, здесь она тоже никому не нужна.

Снова было тоскливо и хотелось плакать. Странное чувство разочарования поселилось в душе с уходом мага, как будто она лишилась чего-то важного и ценного. Целительница положила цепь на кровать и посмотрела на свою щиколотку, на которой еще виднелись следы натершего нежную кожу браслета. Она тогда столь отчаянно пыталась избавиться от него, что теперь, возможно, останется небольшой шрам.

Девушка вздохнула, повернула в ладони раскрытое кольцо и, повинувшись сиюминутному порыву, защелкнула его на лодыжке. Точно впору. Следует ли отнести цепь к разряду ее личных вещей в доме Анделино? Целительница с грустью рассматривала тускло блестящий металл. Пора напомнить себе, кем она здесь является, – всего лишь источник, ни больше, ни меньше.

Сделав еще один глубокий вдох, Бэла потянулась, чтобы расстегнуть браслет, но комнату вдруг озарила яркая вспышка, и посреди спальни появился человек. Целительница вздрогнула, прижалась спиной к подушкам, испуганно глядя на светловолосого мужчину, чей мечущийся взгляд вдруг остановился на ней.

– Бэла! – воскликнул он и рванулся к девушке, но зацепился за лежащую на полу цепь.

Его взгляд заскользил по крепким звеньям и замер на тонкой щиколотке целительницы. Глаза зажглись таким яростным огнем, что Бэле стало еще страшнее. В душе поднималась паника, похожая на чувство, которое она испытала, когда впервые очнулась в этой комнате и увидела Зора. Кто этот человек? Он выглядел сейчас как истинный безумец. Почему он ворвался в ее спальню и как сделал это?

Мужчина между тем приблизился к кровати и схватился рукой за узкое кольцо, всполохи пробежали по поверхности металла, и девушка вскрикнула, когда обожгло кожу. Светловолосый маг стянул раскрывшийся браслет и отбросил в сторону. Губы его были плотно сжаты, а в глазах светился едва сдерживаемый гнев. Бэла прижала колени к груди, когда он вытянул руку, чтобы коснуться розоватых следов на ее коже.

– Я заберу тебя отсюда, Бэла, а потом заставлю этого мерзавца пожалеть, обо всем пожалеть!

Этот пугающий тон и действия странного человека повергли девушку в трепет.

Куда он заберет ее? Неужели он враг аристократа и пришел нарочно, чтобы отомстить?

– Ты ненавидишь Зора? – робко спросила целительница, опасаясь, что этот страшный человек сейчас злится и на нее тоже. Его лицо искажала гримаса ярости.

– Настолько, что жажду убить собственными руками, Бэла. Но это почти невозможно теперь, я знаю, что он связал ваши жизни.

Маг снова протянул к ней руки, а целительнице захотелось отползти подальше. Неужели он намерен добраться до Зора через нее? Он знает о привязке, в ней все дело. Зачем еще он пробрался в эту комнату?

– Я не могу пересечь границы дома. Для меня это смертельно опасно.

– Не волнуйся на этот счет, это абсолютно не важно, Бэла. Защита меня не остановит. Идем. Просто дай мне руку.

Девушка поняла, что страшный маг действительно решил забрать ее. Он не желает убивать сразу? Собирается делать это постепенно, чтобы и Зора помучить? А может, преследует иные цели? Ведь если он вытащит ее за пределы поместья, Бэла уснет навсегда, а мужчина не желает даже слушать об этом.

– Разреши... разреши мне взять вещи, – попросила девушка, отползла на другой край кровати и спрыгнула рядом с тумбочкой. – Здесь важные записи, они могут пригодиться.

Не дожидаясь реакции мужчины, Бэла выдвинула верхний ящик, в котором, прикрытые ее листами с формулами, лежали три разноцветных шара: зеленый для вызова слуги, синий для того, чтобы послать сигнал Надиш, и полупрозрачный белый для связи с Зором. Пальцы девушки коснулись гладкой поверхности, по которой побежали всполохи, а в другой руке Бэла сжала бумаги.

– Я взяла их, – обернулась она к магу, быстро задвигая ящик на место.

Девушка прижала листы к груди и наблюдала, как мужчина двинулся в ее сторону. Сейчас их разделяла кровать, и Бэла с трудом сдерживалась, чтобы не отбежать еще дальше. Нужно сделать вид, что согласна пойти с ним, протянуть время насколько получится.

– Иди сюда, Бэла, скорее. – Маг махнул рукой, и девушка нехотя стала огибать кровать, медленно-медленно приближаясь к нему. Пока она шла, мужчина достал из кармана небольшой красный флакон. Стоило Бэле приблизиться, маг крепко сжал ее ладонь, а сам поднес флакон к губам.

– Я выпью эликсир, чтобы хватило сил на перенос, и тотчас заберу тебя отсюда.

Мужчина запрокинул голову, и в этот миг дверь позади него неслышно отворилась. На пороге стоял Зор. Бэла увидела его лицо и заметила, как на долю секунды на нем отразилось изумленное недоверие, а потом набалдашник неизменной трости пошел радужными переливами. Человек, державший Бэлу за руку, вдруг охнул, выронил флакончик и повалился на пол. Девушка отскочила в сторону, потрясенно наблюдая, как Анделино приближается к незнакомцу. Остановившись, он наклонился, внимательно рассматривая кристалл на груди

светловолосого мага, а потом громко стукнул тростью о пол и перевел взгляд на целительницу.

– Кто это? – спросила Бэла, все еще переживая отголоски той паники, в которую ее повергло появление пугающего гостя.

– Заклятый враг, – ответил Зор, задумчиво рассматривая целительницу.

– Как он попал в мою комнату?

– С помощью этой безделушки. – Анделино подцепил цепочку набалдашником трости, и замочек сам щелкнул, расстегиваясь, а кристалл взлетел в воздух и опустился в ладонь ректору.

– Он говорил о нашей с тобой связи и хотел увести меня за пределы поместья. Как он обошел защиту?

– Я отвечу на все вопросы немного позже, Бэла. Пока нужно позаботиться об этом... нарушителе чужих границ. Можешь быть спокойна, отныне никто к тебе не проникнет. А еще лучше, если ты сейчас возьмешь вещи и переедешь в другую комнату. Собирайся, а я пока улажу некоторые вопросы.

При последних словах в комнату вбежало двое прислужников. Зор кивнул на беспмятного мага, и те, подхватив мужчину за руки и за ноги, потащили его к выходу.

– Не переживай, Бэла, – повторил Анделино, впервые обратившись к целительнице по имени. Он вдруг протянул руку и коснулся ее волос, девушка вздрогнула, а Зор отдернул ладонь, – никто не причинит тебе вреда.

Ректор отвернулся и вышел, а Бэла еще стояла какое-то время, замерев на месте и пытаясь совладать со страхом, который всколыхнул в ней одержимый мстью безумец. Успокоив себя тем, что позже постарается вызнать у Зора подробности, Бэла оглянулась по сторонам, раздумывая, какие вещи нужно взять.

– Что нам с ним делать, хозяин? – спрашивали слуги, тащившие бессознательного Эдвара по садовой дорожке.

Зор шел следом и думал о том, что Хингис сам дал ему оружие против себя и серьезно подставился, проникнув на чужую охраняемую территорию. По закону ректор имел полное право наказать нарушителя как посчитает нужным. В Амадине существовали строгие законы, карающие тех, кто умел обходить защитные чары и проникать в частные поместья. Если бы нарушителя убили, и в этом случае правосудие не отнеслось бы к Зору чересчур сурово, маг был в своем праве. Достаточно только подать знак, и одним опасным врагом, желавшим его убить, станет меньше. Слуги исполняют любое повеление, а Анделино обезопасит себя.

Он остановился, прислужники тоже замерли, ожидая приказа. Они держали Эди с двух сторон, голова мужчины безвольно повисла, светлые волосы упали на лицо. Эдвар был сильным магом и представлял серьезную опасность, а от таких врагов следует избавляться раз и навсегда – это правило.

Ректор оглянулся, пристально посмотрел в сторону закрытого деревьями дома, как если бы оттуда кто-то осуждающе наблюдал за ним. Естественно, никто их видеть не мог, ощущение чужого взгляда было иллюзией, но Зор понимал: наступит момент, когда Бэла очнется и все вспомнит. Придет время, он завершит свою миссию и отпустит целительницу... Хотя ему нет никакого дела до ее ощущений, которые возникнут потом, когда он найдет способ разорвать их связь и избавиться от опасной слабости. Ему нет дела

ни до ее жизни, ни до ее чувств!

Он поднял трость и прикрыл на секунду глаза – она будет знать, что ее брата убил Зор.

– Бросьте его в канаву за воротами! – отдав приказ, аристократ резко развернулся и зашагал обратно к дому.

Глава 7

Цель

Амиральд Сенсарро стоял, прислонившись к каменной стене, отделявшей Вековой лес от жилого района. Мостовая заканчивалась как раз за его спиной, у ограды заповедной территории. Немного наискосок, закрытые густыми зарослями, виднелись ворота особняка Анделино. Сенсарро ждал и надеялся, что никого не дождетя, он пришел сюда на всякий случай, слишком хорошо понимая: не стоит недооценивать Зора. Если план Эди удастся, виер должен будет перенестись напрямиком в виерскую академию, а если нет...

Ворота распахнулись, и двое слуг выволокли наружу находящегося без сознания человека. Амиральд быстро опустил капюшон пониже и замер, пристально наблюдая за их действиями. Прислужники подтащили виера к канаве недалеко от узкой подворотни и склонились над Эдваром. Отсюда Сенсарро не слышал их слов, но зато ощущал разлившуюся в воздухе опасность и злость обоих прислужников. Что они собирались сделать? Тот, кто был пониже ростом, начал подталкивать Эдвара к краю канавы, а второй схватил напарника за плечо, что-то ожесточенно ему доказывая. Они снова наклонились, однако ректор не стал ждать: Амир вытянул вперед руки, мужчины стукнулись лбами и, не удержавшись на ногах, свалились в канаву, утянув за собой и Эди.

Сенсарро неспешно направился к подворотне, замер на краю канавы, а заметив, что прислужники шевелятся, наслал на них обездвиживающее заклятие. Встав на колени, Амир согнулся и ухватил Эдвара за шкурку, потянул вверх и вытащил на мостовую. Склонившись над пострадавшим, Амиральд с трудом сдержал вздох досады – на груди виера не было цепочки с кристаллом. Взвалив Эдвара на плечи, он потащил его к привязанной в подворотне лошади.

Эди открыл глаза и увидел над головой потолок. Он был в лазарете виерской академии. Издав болезненный стон, виер пошевелился и попытался приподняться.

– Тебе лучше, Эди?

Повернув голову, мужчина заметил возле кровати Диану. Целительница толкла какой-то порошок в небольшой глиняной ступке.

– Лекарство тебе готовлю, чтобы снять головную боль. Заклятие очень сильное, на голове даже шишка осталась.

Эди осторожно нащупал большую шишку и снова болезненно поморщился.

– Диана, а Амир?

– Он велел позаботиться о тебе. Заходил пару раз за эти дни.

– Я так долго не приходил в себя?

– Да.

– Амир велел что-то передать?

– Нет. Ничего.

– Диана, как он выглядел?

– Как? Получше тебя, Эди. А теперь ложись-ка, мне нужно сделать еще один компресс.

– Он злился? – Эдвар попытался заглянуть в глаза целительнице, пока она накладывала смоченные в резко пахнущей смеси бинты.

– Спокоен был, как всегда. Ты же его знаешь.

– Эх. – Виер закрыл глаза, проклиная себя на чем свет стоит.

– Входи, – раздался за дверью кабинета голос начальника.

Эди осторожно повернул ручку и заглянул внутрь просторной комнаты.

– Можно с тобой поговорить?

– Конечно. – Амиральд стоял спиной. На его плечи был накинут длинный плащ из темной шерсти, а голову закрывал капюшон. Он не обернулся и не посмотрел на виера, пока тот закрывал дверь.

– Прости, Амир, я идиот. Я провалил весь план.

– Садись. Голова еще болит? Расскажи обо всем по порядку. – Амир так и не повернулся к нему лицом, только шуршал какими-то бумагами.

– Я появился как раз в той комнате, о которой говорила кухарка, увидел Бэлу и... просто разум потерял. Я был счастлив видеть ее и дико взбешен, когда заметил, что ублюдок Зор держит ее на цепи. Представь себе, Амир, на цепи! Мою сестру! Сняв кольцо, собирался активировать кристалл, но Бэла попросила позволить взять с собой какие-то записи, ценные для нее. Я так поддался своим чувствам, что не заметил странности ее поведения. Она была слишком напряжена, будто сторонилась меня. Я списал это на неожиданность моего появления и на испуг, а она... она подала сигнал Зору.

Эди закрыл лицо ладонями и горько вздохнул.

– Сестра отдала меня в его руки.

– Полагаешь, Бэла тебя предала? – Амир замер на миг, перестав шуршать документами.

– Нет. Он опоил ее, это же очевидно. Наверняка использовал зелье подчинения, чтобы внушить запрет пересекать порог той комнаты. Думаю, Зор постоянно опаивает Бэлу, чтобы она беспрекословно делилась энергией.

– А что было дальше?

– Я не слышал, как дверь отворилась, стоял к ней спиной и как раз принимал эликсир восстановления сил, чтобы активировать криспп. Потом Зор меня оглушил, а дальше ничего не помню.

– Его слуги вытащили тебя за ворота, а я лишил их сознания и забрал тебя.

– Он дал им приказ меня убить?

– Не могу сказать наверняка.

– Конечно, дал, Зор ведь не дурак, чтобы оставлять меня в живых. А тут такая возможность... Амир, я потерял криспп.

– Я заметил, Эди.

Амиральд наконец повернулся, и Эдвар не сдержал сорвавшегося с губ ругательства.

– Приятно познакомиться, Эдвар Хингис. Куратор аристократической академии Амир Вальенте к вашим услугам.

Седоволосый старичок слегка поклонился и оперся на длинную трость с круглым набалдашником из странного мутного минерала. Эди пристально осмотрел друга, но не нашел черт, схожих с внешностью ректора виерской академии. Разве что ростом они были почти одинаковы, однако стоявший перед ним старик сильно сутулился. Морщины прорезали высокий лоб, седые волосы были коротко подстрижены, единственное, что привлекало внимание в непримечательном облике – это пронизательный взгляд темно-зеленых глаз.

– В каком смысле куратор аристократической академии? – переспросил пришедший в

еще большее замешательство Эдвар. – Ведь Вальенте – наставник Дворцовой академии. Или же ты собираешься во дворец и хочешь решить этот вопрос через короля?

– Нет, Эди, через короля мы действовать не сможем, он благоволит Зору, а у нас с тобой нет неопровержимых доказательств. Да и вытащить Бэлу из поместья не получится. Кроме криспа, у нас нет вариантов.

– Зачем же ты задействовал иллюзорную магию, на что тебе сейчас облик Вальенте? Я полагал, ты используешь иллюзию только в случаях, когда нужно получить важную информацию. Ты ведь не каждый день посещаешь Дворцовую академию.

– Дело в том, что я подписал договор. – Старичок Вальенте протянул Эдвару бумаги. – как я уже сказал, меня пригласили в Академию аристократии на должность куратора.

– И ты согласился?! – У Эди не хватало слов для выражения безграничной благодарности другу. – Ты это делаешь, чтобы помочь мне, а я, как последний кретин, срываю планы. Теперь еще придется работать на Зора... Это для того, чтобы отыскать кристалл?

– Именно. Крисп уникален, второго такого нет, Эди.

– Как же быть с Академией виеров?

– Я буду проводить занятия там и возвращаться сюда, к тому же заместитель превосходно справится с рутинной работой, а со всем остальным будешь справляться ты.

– Полагаешь, Анделино спрячет крисп не в доме?

– Да. Академия, чья защита формировалась на протяжении многих веков, является для этого самым лучшим местом. Ты ведь знаешь, оттуда невозможно ничего украсть. Уверен, Зор сделает все возможное, чтобы защитить свою находку.

При этих словах Эди снова склонил голову и тяжело вздохнул.

– Я раздобыл новую трость, пока ты был болен. – Амир указал на мутный набалдашник. – Он сделан из схожего с криспом материала. Таким образом, трость сможет указать мне примерное местонахождение кристалла. И, Эди...

– Да?

– Твое дело – хорошо справляться со своими обязанностями, помогать мне здесь, ты понял?

– Конечно, Амир, в академии я тебя не подведу, но... я чувствую себя последним мерзавцем из-за того, что соглашаюсь на это.

– Не стоит. Ты не виноват, что не совладал с эмоциями при встрече с сестрой, вы слишком давно не виделись. Я могу понять твои чувства.

– Иногда, очень редко, я жалею, что не получил аристократического воспитания, умел бы всегда держать чувства под контролем, вот как ты, например.

– «Всегда» слишком категоричное слово, Эди, все мы не каменные. – Амир усмехнулся и повернулся к двери. – А теперь мне пора. Сегодня я приступаю к новой работе.

Надиш сидела в своей комнате и обдумывала дальнейшие действия. Оба ее подопечных (к таковым матушка относилась всех, кого задумала свести) снова отделились друг от друга. Сводня ломала голову, изобретая новые планы для сближения двух упрямец.

Бэла наотрез отказалась снимать старое платье и вернула Надиш все чудесные наряды. Зор демонстрировал холодное равнодушие, даже когда оставался с целительницей наедине (Надиш пару раз подглядела в замочную скважину).

Девушка в отместку вела себя так же, стоило аристократу войти в комнату, Бэлу точно

подменяли. Взгляд становился отрешенным и равнодушным, если Анделино просил подойти, девушка выполняла его просьбу без лишних споров, однако из нее невозможно было вытянуть и слова. Надиш задавалась вопросом: что такого произошло между ними? Сначала все шло хорошо, а потом вдруг целительница переехала в новую комнату, надела старые одежды и стала вести себя демонстративно покорно, отстраненно и безразлично.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Эсканилор – волшебная вещь для аккумуляции магической энергии и совершения заклинаний. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Эстада – гильдия целителей.

Заряженный магией металлический шар, который срабатывает как локальное взрывное устройство с небольшим радиусом поражения.

Мерзд – мелкое животное, чье зловоние вызывает тошноту.

Уничижительное обращение к аристократам, принятое среди виеров.

Хрымз – чудище из виерских сказок.